Братство камня

Автор:
Жан-Кристоф Гранже

Братство камня

Жан-Кристоф Гранже

Звезды мирового детектива

Диана Тиберж в отрочестве стала жертвой насилия, наложившего отпечаток на всю ее дальнейшую жизнь. Она обретает счастье и покой, усыновив в Таиланде мальчика, которого называет Люсьеном. В Париже они попадают в автомобильную катастрофу. Люсьен при смерти, но таинственный немецкий врач выводит его из комы. В ту же ночь врача убивают. У Дианы возникает подозрение, что дорожная авария была хорошо спланированным покушением на Люсьена. Расследование приводит ее в далекую Монголию. Здесь она наконец узнает правду, которая ужаснет даже закаленных читателей триллеров…

Жан-Кристоф Гранже

Братство камня

Посвящается Виржини Люк

Часть I

Первые знаки

1

На все про все у Дианы Тиберж было сорок восемь часов.

Из Бангкокского аэропорта она должна была вылететь внутренним рейсом на Пхукет, а оттуда отправиться на север, чтобы добраться до Такуа-Па, что на побережье Андаманского моря, переночевать в гостинице и в пять утра продолжить свой путь. В полдень она будет на границе с Бирмой, в Ранонге, и там, в глубине мангровых лесов, обретет наконец то, ради чего все было затеяно. Потом ей останется только проделать обратный путь и в понедельник вечером улететь международным рейсом в Париж. Разница во времени будет ей на руку – она выиграет пять часов и в понедельник утром, 6 сентября 1999 года, сможет выйти на работу. Свежая как цветок.

Вот только рейс на Пхукет задерживался.

Все шло не по плану.

Жестокий спазм скрутил внутренности Дианы, к горлу подступила тошнота, и она ринулась в туалет. «Это из-за разницы во времени. План здесь ни при чем». В следующее мгновение ее вывернуло наизнанку. Кровь пульсировала в венах, лоб покрылся холодной испариной, сердце билось толчками, отзываясь болью во всем теле. Диана взглянула на себя в зеркало. Смертельно бледное лицо. Вьющиеся светлые волосы. В этой стране, населенной миниатюрными женщинами с темными гладкими волосами, они выглядели особенно нелепо, как, впрочем, и ее рост сильно выше среднего, из-за которого она так комплексовала в юности.

Диана умылась, протерла золотую серьгу в правой ноздре, надела маленькие хиппозные очочки и вернулась в зал транзитных пассажиров. Майка болталась на ней как на вешалке. Воздух из кондиционеров показался ей ледяным.

Диана подошла к табло. Рейс на Пхукет так и не объявили. Она прошлась по залу, то и дело натыкаясь взглядом на щиты с грозным предупреждением на тайском и английском: «Любой, у кого при аресте на территории Таиланда обнаружат тяжелые наркотики, будет приговорен к смертной казни через

расстрел». Мимо прошли двое полицейских. Униформа цвета хаки. Винтовки с усиленным прикладом. Она закусила губу: все в этом треклятом аэропорту казалось ей враждебным.

Диана села и попыталась унять дрожь. В тысячный раз за утро она прокрутила в голове детальный план путешествия. Все должно получиться. Это ее выбор. Ее жизнь. Ей не придется возвращаться в Париж с пустыми руками.

В 14.00 чартер на Пхукет наконец вылетел. Диана потеряла пять с половиной часов.

Сойдя с трапа, она попала в настоящие тропики и вздохнула с облегчением. По небу плыли голубоватые, подсвеченные серебром облака. В конце взлетно-посадочной полосы трепетали листвой бледные деревья, ветерок поднимал с земли беспокойные фонтанчики пыли. Но главное – запах. В воздухе пахло муссоном: запах был особый – обжигающий, душный, наполненный ароматами фруктов, дождя, гниения. Наверное, так благоухает жизнь в высшей своей точке, на пороге смерти. Диана зажмурилась от восхищения и едва не полетела кубарем со ступенек.

Шестнадцать часов.

В агентстве по прокату автомобилей она выхватила у служащей ключи и побежала на стоянку. В дороге начался дождь, почти сразу перешедший в настоящий ливень. Мутные струи с оглушающим стуком обрушивались на капот. «Дворники» не справлялись с потоками красно-бурой грязи. Диана вела машину, не отрываясь от ветрового стекла, пальцы на руле побелели от напряжения.

Восемнадцать часов. На закате ливень стих. Окрестный пейзаж в сумерках переливался серебром. Мимо проносились рисовые поля, коричневые дома на сваях, златошерстные буйволы с длинными острыми рогами. Резные храмы с приподнятыми крышами… Сверкали молнии, прорезая бархат черных, с алым подбоем, туч.

В восемь вечера Диана добралась до Такуа-Па. Напряжение отпустило ее: несмотря на все накладки и панику, она успела вовремя.

Она нашла гостиницу в центре города, рядом с водонапорной башней, поужинала на террасе под навесом и почувствовала себя намного лучше. Снова пошел дождь, овевая ее благодатной прохладой.

Тут-то они и появились. Слишком ярко накрашенные девчушки в мини-юбках из искусственной кожи и вульгарных дешевых топиках. Диана дала бы им не больше десяти-двенадцати лет. На высоких каблуках они выглядели карикатурой на взрослых женщин. Светловолосые великаны на другом конце зала многозначительно подталкивали друг друга локтями. Немцы, а может, австралийцы, плотные, как говяжий оковалок. Диана уловила во взглядах мужчин неожиданную враждебность, словно ее присутствие мешало обитателям маленького мирка вести свою игру.

Она почувствовала горечь во рту. И сегодня, в тридцать лет, даже мысль о сексе вызывала у нее физическое ощущение тошноты. Диана ушла в свой номер, даже не обернувшись, – она не чувствовала ни малейшего сострадания к «живому товару».

Устроившись под сеткой от москитов, она мысленно вернулась к своей главной цели, а перед тем как заснуть, вспомнила щиты с грозным предупреждением, униформу патрульных, тупые приклады винтовок. Ей померещился лязг засовов, далекий гул вертолетных винтов…

В пять утра Диана была уже на ногах. Давешнее смятение испарилось. Солнце встало. В открытое окно, словно буря в иллюминатор корабля, врывалось все буйство тропических красок. Диана чувствовала: если понадобится, она перевернет вверх дном все джунгли.

В Ранонг она попала до полудня. Как и планировала. Море солеными болотцами проглядывало между деревьями. Где-то в глубине водного лабиринта скрывалась бирманская граница. Один из рыбаков сразу согласился довезти ее до места, и лодка заскользила по черным волнам. Жара, яркий свет, стоящие зеленой стеной по берегам заросли… У Дианы пересохло в горле, ей было невыносимо жарко, но она жадно впитывала каждое впечатление.

Часом позже они высадились на длинной песчаной косе, где стояло несколько бетонных строений. Вылезая из лодки, Диана испытывала детское чувство

торжества: у нее получилось! На планете не было такого места, куда она не сумела бы добраться…

Несмотря на полуденный зной, перед приемным покоем играли дети – темноволосые, с черными, в пушистых ресницах, глазами. Диана вошла в главное здание и попросила вызвать Терезу Максвелл. Она обливалась потом, представляя себе, что вот-вот шагнет за зеркало. Поверхность его потускнела и растрескалась – слишком уж часто она воображала, как сделает это.

В холле появилась старая женщина, одетая в темно-синий свитер с треугольным вырезом, откуда выглядывал широкий белый воротник блузки. Фасон «лопаточка для торта», – машинально подумала Диана. Седые волосы Терезы Максвелл были коротко подстрижены, круглое добродушное лицо выражало осторожную недоверчивость. Диана представилась. Директриса повела ее по сквозной галерее в свой кабинет, где из всей мебели стояли лишь колченогий стол да два стула.

Диана достала из сумки тонкую папку с документами. Тереза Максвелл спросила:

– Вы приехали одна?

В ее тоне Диана уловила не только удивление, но и некоторое сомнение.

– Я не замужем.

Лицо пожилой женщины вытянулось. Разглядывая золотой шарик в ноздре собеседницы, она задала следующий вопрос:

– Сколько вам лет?

– Скоро тридцать.

– Вы бесплодны?

– Не думаю.

Тереза перелистала документы. Проворчала себе под нос: «Не понимаю, чем они там в Париже занимаются…» – потом в упор взглянула на Диану и объявила:

– Скажу прямо, мадемуазель: меня удивляет ваша просьба. Вы молоды, красивы, не замужем. Что вы здесь делаете?

Диана выпрямилась, заведясь с полоборота. Она два дня ни с кем не разговаривала, и голос ее прозвучал хрипло:

– Путь к вам, мадам, занял у меня почти два года. Пришлось заполнить кучу бумаг, выдержать не один «допрос с пристрастием». Посторонние люди копались в моем прошлом, в личной жизни, проверяли мои доходы и их источники. Я прошла медицинские обследования и психологическое тестирование. Оформила новые страховки, дважды прилетала в Бангкок, потратив на это целое состояние. Сейчас все мои бумаги в полном порядке и совершенно законны. Я преодолела двенадцать тысяч километров и послезавтра должна вернуться на работу, так что, если не возражаете, давайте перейдем к делу.

В комнате с бетонными стенами повисло напряженное молчание. Внезапно морщинистое лицо старой женщины просияло улыбкой:

– Идемте со мной.

Они пересекли палату с вентиляторами под потолком. На окнах колыхались легкие занавески, в воздухе, разгоняемый волнами жара, плавал запах фенола. Между рядами кроватей с металлическими спинками кричали, играли и бегали разновозрастные дети, воспитательницы тщетно пытались их угомонить. Казалось, что энергия детства борется с приторной атмосферой выздоровления. Очень скоро она увидела устрашающие детали. Увечья. Атрофированные конечности. Шрамы. Взгляд Дианы наткнулся на ребенка, у которого не было ни рук, ни ног. Тереза Максвелл пояснила:

– Он из Южной Индии, с другой оконечности Андаманских островов. Индуистские фанатики сначала убили его родителей – они были мусульманами, а потом изувечили мальчика.

Диану снова затошнило, и одновременно в голову пришла нелепая мысль: как эта женщина может носить свитер в такую жару? Тереза повела ее дальше, в следующую палату, где тоже стояли кровати, а под потолком летали разноцветные воздушные шары. Директриса кивнула на лежащих ничком на одной кровати девушек:

– Кхмерки. Их родители в прошлом году сгорели заживо в лагере беженцев. Они…

Диана так сильно сжала руку Терезы Максвелл, что у нее побелели пальцы.

– Мадам, – выдохнула она, – я хочу его видеть. Немедленно.

Та невесело улыбнулась:

– Он здесь.

Диана повернула голову и увидела в углу палаты маленького мальчика, ради которого ввязалась в главную битву своей жизни. Он играл с лентами из гофрированной бумаги и был один, сам по себе. Она мгновенно его узнала – ей присылали полароидные снимки. Плечи мальчика были ужасно хрупкими, и Диане померещилось, что только ветер удерживает на нем маечку. Бледное лицо – кожа у него была гораздо светлее, чем у других детей, – выражало невероятно напряженную, почти нервную сосредоточенность.

Тереза Максвелл скрестила руки на груди:

– Ему, должно быть, шесть или семь лет. Хотя полной уверенности, сами понимаете, нет. Мы ничего не знаем ни о происхождении мальчика, ни о том, что с ним случилось. Скорее всего, он спасся из лагеря. Или его бросила мать-проститутка. Мальчика нашли в Ранонге, на улице, в толпе нищих. Он говорит на тарабарском языке, которого никто здесь не понимает. Четко мы сумели разобрать всего два слога: лю и сянь. Вот и зовем его Лю-Сянь.

Диана попыталась улыбнуться, но губы ее не слушались. Она забыла о жаре, вентиляторах и дурноте. Раздвинула летавшие вокруг шары, опустилась на колени рядом с ребенком и замерла, любуясь своей воплощенной мечтой.

Прошло несколько бесконечных минут, и она прошептала:

– Говорите, Лю-Сянь? Ну что же, я буду звать тебя Люсьеном.

2

В детстве Диана Тиберж ничем не отличалась от других маленьких девочек.

Она была пылким ребенком и любому занятию отдавалась с вниманием, предельной собранностью и страстью. Когда Диана играла, то делала это со столь серьезным видом, что взрослые не решались ее отвлекать. Если она смотрела телевизор, то была так сосредоточенна, словно хотела впитать картинку глазами. Даже ее сон походил на волевой акт: она как будто давала зарок, что проснется утром, вылезет из-под одеяла и будет живой и красивой как никогда.

Диана росла, доверяя миру и окружающим людям. Она обожала сказки, которые взрослые рассказывают детям на ночь, воображая свое будущее ярким и призрачно-прекрасным, как в мультиках, детских книгах и кукольных спектаклях. Сердечко у нее было нежное, как пуховка, а мысли, словно легкие снежинки, кружились вокруг сказочных прописных истин. Диана точно знала, что для нее всегда найдутся прекрасный принц и фея-крестная, которая отправит ее на бал в платье из лунного света. Все было предопределено и записано – где-то там, в высших сферах. Нужно просто подождать.

И Диана ждала.

Но похитил ее не прекрасный принц, а совсем другие, злые силы.

В двенадцать лет девочка ощутила в себе перемены: у нее появились новые неясные желания, тело меняло форму, душа полнилась смятением. Темные стремления невыносимой болью отдавались в груди. Диана рассказала о том, что с ней творится, подругам. Те в ответ только хихикали и пожимали плечиками. Диана поняла: они чувствуют то же самое, но прячутся за детской бравадой, неумеренно красясь и втихаря покуривая. Такая стратегия Диане не

подходила. Девочка хотела смотреть жизни в лицо, какой бы она ни была.

Она обрела беспощадную ясность мысли, научилась мгновенно разоблачать вранье и соглашательство окружающих. Мир взрослых рухнул со своего пьедестала. Те самые мужчины и женщины, которых ей вечно приводили в пример, оказались безвольными слабаками, лицемерами и лжецами, всегда готовыми пойти на компромисс.

Такой была и ее мать.

Однажды утром Диана пришла к окончательному и бесповоротному выводу: женщина, с которой она живет с самого своего рождения, не любит ее и никогда не любила. Что бы теперь ни говорила, что бы ни делала Сибилла Тиберж, личина примерной матери уже не могла обмануть ее дочь. Напротив, она все меньше ей доверяла. Слишком белокурая. Слишком красивая. Слишком чувственная. Диана перебирала в памяти мелкие детали, доказывавшие, как ей казалось, притворство матери, ее беспредельный эгоизм, жадное желание нравиться. Сибилла ломалась и жеманничала, стоило мужчине сделать ей комплимент, а если в поле зрения оказывался достойный внимания самец, начинала неестественно громко хохотать. Все в матери Дианы было фальшивым, деланым, холодно рассчитанным. Эта женщина представлялась ей средоточием лжи, а их совместная жизнь – сплошным надувательством.

Происшествие, случившееся в июне 1983 года, когда Диана возвращалась одна со свадьбы своей крестной матери Изабель Ибер, окончательно утвердило ее в этом мнении. Сибилла предпочла удалиться в другую сторону, под руку с новым любовником. Происшествие – не самое точное определение. Но именно так Диана мысленно называла несчастье, приключившееся с ней на улочках Ножана-на-Марне. Она отказывалась вспоминать подробности даже теперь, по прошествии стольких лет. Помнила только далекие огни ночных фонарей, шелест ив, звук дыхания из-под маски с прорезями для глаз… О том, что происшествие было жестокой реальностью, а не страшным сном, ей напоминали тонкие шрамы под волосами на лобке.

Девушка не понимала, как подобный кошмар мог стать реальностью, но твердо знала одно: во всем виновата Сибилла. Из-за эгоизма матери, полного ее безразличия ко всему, кроме собственной упругой задницы и жадной страсти любовников, заключавшей ее в заколдованный круг. Разве не поэтому она позволила дочери возвращаться домой в одиночестве? Попросту забыла о ее

существовании? Нападение стало вещественным доказательством правоты Дианы. Решающим доказательством.

Диане должно было исполниться четырнадцать. Она ничего не рассказала Сибилле. Если мать останется в неведении, думала девушка, месть будет полной и совершенной. Она залечила раны в одиночестве, похоронила тайну в своем сердце и заявила, что со следующего года хочет учиться в пансионе. Сибилла спорила не долго, приличия ради, а потом согласилась, она была рада избавиться от дочери: эта молчаливая дылда становилась помехой в ее амурных делах.

Диана была действительно немногословна. Потому что много размышляла. Училась извлекать уроки из собственного опыта. Итак, окружающий мир, реальный, не выдуманный, – это насилие, предательство, зло. Человеком в этой жизни управляет одна-единственная непреодолимая сила – ненависть, готовая в любой миг разгореться в душе, как костер инквизиции. Диана решила, что будет изучать это могущественное чувство. Она постигнет жестокость, на которой зиждется мир, станет наблюдать за ней, анализировать.

Девушка приняла два решения.

Во-первых, сдав экзамены на бакалавра, она посвятит себя изучению биологии и этологии – науки о поведении животных. Она уже знала, что специализироваться будет на хищниках, на приемах охоты и сражений, позволяющих млекопитающим, рептилиям и даже насекомым утвердиться на своей территории и выжить благодаря убийству. Это был способ погружения в саму суть жестокости. Жестокости природной, неосознанной, лишенной какой бы то ни было мотивации, кроме простейшей логики выживания. Возможно, так она сумеет оправдать, смягчить ужас того, что с ней случилось, встроив собственное несчастье в более широкую, универсальную логику.

Так Диана собиралась лечить голову.

Для тела она выбрала Вин-Чун, или «вечную весну», – самую эффективную и стремительную разновидность шаолиньского бокса, основанную на технике ближнего боя. По преданию, создала эту систему буддийская монахиня. В сентябре 1983-го Диана начала заниматься в специализированном спортзале, который находился в окрестностях Фонтенбло, рядом с ее пансионом. За год она

достигла небывалых результатов. При высоком росте она весила всего пятьдесят килограммов, была голенастой, но гибкой, как акробатка, и невероятно накачанной.

Учителя предложили ей продолжить занятия по углубленной системе, с приобщением к «Вуте» (доблесть, сила, железная дисциплина). Диана отказалась. Она ничего не желала слышать ни о философии, ни о космической энергии. Ей просто нужно было выковать из своего тела оружие, чтобы больше никто и никогда не застал ее врасплох.

Наставники – мудрые и невозмутимые азиаты – были обескуражены ее агрессивными ответами. Но они знали, что судьба послала им чемпионку, а такое – с философской подоплекой или без нее – случается крайне редко.

Диана стала тренироваться еще больше. Она все чаще участвовала в соревнованиях и в 86-м выиграла юношеский чемпионат Франции. В 87-м ученица Тиберж получила «серебряный пояс» на чемпионате Европы, а в 88-м стала обладательницей «золотого». Побеждала Диана в молниеносном стиле, ошеломляя судей и слегка разочаровывая зрителей. Выходя на ринг, Диана принимала наклонную стойку в максимальной близости к соперницам, не выпускала из поля зрения их руки, и те оказывались на полу, не успев найти просвет в ее обороне.

Казалось, ничто не могло остановить восхождение на олимп молодой спортсменки. Но в 1989 году Диана перестала участвовать в соревнованиях. На пороге двадцатилетия ей каким-то чудом удалось уберечь лицо и тело от травм, но рано или поздно удача от нее отвернется. Да и вообще, поставленной цели она уже добилась.

Стала такой, какой хотела стать.

Опасной во всех отношениях девушкой, к которой лучше не подходить слишком близко.

Диана Тиберж слушала «Frankie goes to Hollywood» на своем басистом крошечном плеере. Она обожала эту группу. Ее музыка в стиле постдиско была сплавом лучших идей разных направлений, в композиции присутствовал особый драйв.

«Frankie» создали крутые ливерпульские парни, настоящая уличная шпана. От них исходила особая энергия, они вопили, улюлюкали, выкрикивали смачные выражения, заводя зал. Самое пикантное заключалось в том, что группа была «голубой»: все эти вопли и непристойности словно слетали с уст потешных придворных дам Людовика XIII. Этим и объяснялась присущая музыкантам «Frankie» особая легкость и завораживающее изящество. А пятый участник группы не играл ни на одном инструменте. И почти не пел… Он просто танцевал, был «движущейся фигурой» на заднем плане, тряс плечами под кожаной курткой. Диану от всего этого охватывала дрожь: для нее «Frankie» была поистине волшебной группой.

Развеселая студенческая жизнь ограничивалась для Дианы общением с плеером. Она никуда не ходила, ни с кем не встречалась и не танцевала, тратя все свое время на штудирование трудов по этологии. Каждый вечер она возвращалась в свою однокомнатную квартиру в квартале Кардинал-Лемуан и читала Лоренца и фон Юкскюлля, поедая кушанья из «Макдоналдса».

Но в тот вечер Диана решила «выйти в люди».

Натали – стервочка с биофака, прибиравшая к рукам лучшие университетские «кадры», устраивала вечеринку: туда-то и отправилась Диана.

Пора было действовать. Теперь или никогда.

Для нее настал «момент истины».

Позже Диана часто вспоминала ту решающую ночь. Старинный дом из тесаного камня на бульваре Сен-Мишель, заглушавший шаги толстый ворс ковра на лестнице, громкую музыку где-то на верхних этажах. Она пыталась унять сердце, бившееся в такт басам, и судорожно сжимала ледяную бутылку шампанского. Высокая деревянная дверь только что с петель не слетала из-за буханья ударных. «Они ни за что меня не услышат», – подумала Диана, давя на кнопку звонка.

Но дверь распахнулась почти мгновенно, и волна музыки едва не сбила Диану с ног. Она сразу узнала голос Холли Джонсона, вокалиста «Frankie»: «Relax! Don’t do it!»[1 - «Расслабься! Не делай этого!» (англ.)] – и восприняла это как доброе предзнаменование. Любимая группа поможет ей справиться. На пороге стояла брюнетка с костистым, ярко размалеванным лицом. Натали Лагоргонь собственной персоной.

– Диана? – прокричала она. – Здорово, что пришла…

Диана улыбалась в ответ на фальшивую радость хозяйки, а та оценивала: черный жилет на перламутровых пуговицах, длинные брюки из модного черного мольтона и широченное стеганое пальто, тоже черное.

– Пришла в пижаме и со своим одеялом? – съязвила Натали.

Диана пощупала черную тафту ее платья:

– Сегодня вечером у нас маскарад, так ведь?

Натали расхохоталась, взяла у гостьи бутылку шампанского и гаркнула, перекрикивая музыку:

– Входи. Шмотки можно бросить в дальней комнате.

Вечеринка была в разгаре. Диана сняла пальто и подошла к стойке с закусками – здесь тусовались те, кто не был знаком с остальными гостями. Она дала себе зарок не прикасаться к спиртному и во что бы то ни стало сохранить голову ясной, но, проскучав час в одиночестве, потягивала уже третий бокал и время от времени поглядывала на танцующих.

Все развивалось по законам жанра.

Диана не слишком часто «отрывалась», но хорошо знала ритуал вечеринок. В полночь начинался первый, «предварительный» этап. Девушки танцевали, порхали по комнате, кокетничали, встряхивали волосами и виляли бедрами, а парни держались в стороне, ограничиваясь взглядами исподтишка, короткими улыбками и шуточками для затравки…

К двум часам ночи возбуждение усиливалось. Музыка начинала звучать громче. Алкоголь побеждал робость, сметая все табу. Запретных желаний не оставалось. Самцы с воинственным кличем переходили в наступление, пикируя на добычу. И снова Frankie довела всех до исступления. И снова Two Tribes. Диана знала каждую ноту, каждую фиоритуру этой антивоенной песни-протеста, сыгранной музыкантами в бешеном, заводном темпе.

Она отдалась музыке и начала танцевать, стараясь, чтобы ей не оттоптали длинные, как у кузнечика, ноги. Краем глаза Диана ловила взгляды окружающих и не верила своим глазам. Она не только была ужасно застенчива, но и внушала робость окружающим. Ее красота, волнистая грива и большой для женщины рост обычно держали претендентов на расстоянии. Но в тот вечер все вышло иначе: несколько смельчаков заговорили с Дианой.

Ее тело растворялось в звуках, витало в такт мелодии, не касаясь танцующих. Какой-то тип схватил ее за руку, приглашая станцевать рок. На любой танцплощадке всегда находится кто-то, жаждущий выпендриться. Диана резко отпрянула. Нет. Она не танцует рок. Нет. Ее нельзя брать за руку. Никто не смеет ее трогать. Парень засмеялся и затерялся в толпе.

Диана на мгновение застыла, с ужасом глядя на свою руку, как будто чужое прикосновение обожгло ее. У нее закружилась голова, она сделала шаг назад и сползла вниз по стенке. Нащупала стоявший на полу бокал, залпом допила вино и замерла, сжимая в пальцах хрупкую ножку. Ее переполняла печаль. Жестокая правда снова напомнила о себе: она не переносит тактильного контакта. Ее нельзя приласкать, к ней даже нельзя прикоснуться. У нее фобия на чужое тело.

К трем утра выбор музыки стал более эзотерическим: Лори Андерсен запела «O Superman». Под эту странную, колдовскую колыбельную вступил в свои права час «последнего шанса». В полутьме комнаты под речитатив Лори раскачивалось несколько одиноких призраков. Неутомимые охотники. Отказывающиеся признать поражение бедняжки.

Диана смотрела на помятые лица, и ей казалось, что она очутилась на усеянном телами убитых и раненых поле битвы. Она взяла пальто, осторожно проскользнула мимо заставленной пустыми бутылками стойки. Мысленно Диана была уже на улице, воображая, как глотнет ледяного воздуха, протрезвеет и обдумает свое поражение.

В этот момент кто-то обнял ее за талию.

Она крутанулась на каблуках, напрягшись как струна, и прислонилась к буфетной стойке.

Ее взяли в кольцо трое сильно поддатых парней.

– Глядите-ка, ребята, тут есть чем поживиться…

Один из обидчиков снова протянул руки к Диане. Она уклонилась и вернулась к стойке. Скинула пальто, взяла бокал и сделала вид, что пьет, надеясь, что пьяные кретины отстанут, но кто-то засопел ей в затылок. Бокал разлетелся у Дианы в руке на осколки. Она заметила на одном из осколков след от губной помады и прикрыла его ладонью, чувствуя, как стекло рассекает кожу.

– Убирайтесь к черту…

Парни у нее за спиной гнусно захихикали:

– Ой-ой, посмотрите-ка на эту недотрогу…

Жгучие слезы потекли из-под роговой оправы ее очков. Диана отчетливо подумала: «Не делай этого». Но один из придурков начал издавать неприличные звуки прямо ей в ухо, бормоча что-то о «мохнатках», «щелках» и «сладких местечках». «Не делай этого», – вновь сказала себе Диана, снимая очки и закалывая волосы. Другой парень воспользовался моментом и сунул руки ей под жилет. Горячие пальцы коснулись сосков, он просюсюкал:

– Не дразни меня, цыпочка, а то…

Хруст ломающейся челюсти заглушил мелодию «Art Of Noise».

Парень отлетел к камину и разбил лицо о мраморный выступ. Диана провела удар локтем. Она успела подумать «НЕТ», но ее рука уже наносила другому обидчику удар по ребрам, именуемый «бычья челюсть». Кости хрустнули, парень рухнул на стойку с закусками, потянув за собой скатерть, зазвенели тарелки и бокалы.

Диана замерла: главное в технике Вин-Чун – расслабление и дыхание. Третий подонок испарился, и она вдруг осознала, что все на нее смотрят и ошарашенно перешептываются. Она надела очки, потрясенная не жестокостью сцены и не приключившимся скандалом, а собственным спокойствием.

Откуда-то справа донесся срывающийся голос Натали:

– Ты… ты… ты что, больная?

Диана медленно повернулась к темноволосой хозяйке дома:

– Мне очень жаль.

Она пошла к двери, обернулась и на пороге крикнула через плечо:

– Мне очень жаль!

Бульвар Сен-Мишель не обманул ожиданий Дианы.

Пустынный, ледяной и залитый светом.

Диана шла, глотая слезы: она чувствовала себя уязвленной, но и наконец свободной. Ей нужны были доказательства, и она их получила. Отныне и навсегда ее жизнь будет протекать вне круга, вдали от других людей. Она мысленно вернулась к тому, с чего все началось. К жестокому нападению, которое убило в ней главнейший и самый естественный инстинкт, превратив ее тело в неприступную крепость с прозрачными стенами.

Она вспомнила шелест ив и мерцавшие вдалеке фонари.

Как наяву ощутила во рту вкус травы, почувствовала на лице дыхание насильника.

Мозг отреагировал мгновенно: она как наяву увидела мысленным взором лицо матери. Она устало улыбнулась: на сегодня с нее довольно ненависти. Она дошла до площади Эдмона Ростана, миновала подсвеченный фонтан. Слева

остался Люксембургский сад. Движимая неясным чувством, Диана подбежала к черной с золотом решетке и дотронулась подушечками пальцев до листьев.

Она чувствовала себя невероятно легкой, почти невесомой, словно навек воспарила над землей.

В этот день, 18 ноября 1989 года, Диана Тиберж навсегда похоронила себя как женщину.

4

– Могу я вам что-нибудь предложить?

– Спасибо, ничего не нужно.

– Вы уверены?

Диана подняла глаза.

Стюардесса в синей форме смотрела на нее с неприкрытым сочувствием. Этот взгляд окончательно вывел ее из себя. Диана совсем выбилась из сил, пытаясь порезать на кусочки оладьи из «детского меню»: их принесли Люсьену сразу после вылета из Бангкока. Она действовала так неловко, что пластмассовые нож и вилка гнулись у нее в руках, кроша еду, вместо того чтобы ее разрезать. Диане казалось, что все на нее смотрят и видят, какая она неумелая и дерганая.

Улыбнувшись красными губами, стюардесса удалилась. Диана предложила мальчику еще кусочек оладушки. Но Люсьен не пожелал открыть рот. Она совсем растерялась, густо покраснела и снова подумала, как нелепо, должно быть, выглядит: щеки пылают, светлые волосы растрепались, а рядом – маленький черноглазый мальчик. Сколько раз стюардессы наблюдали подобное? Растерянные, перепуганные белые женщины, нашедшие в Азии свою судьбу и везущие ее домой вместе с багажом.

В проходе снова появилась девушка в синем. «Конфеты, мадам?» Диана попыталась быть милой. «Не беспокойтесь, у нас и правда все в порядке».

Накормить сына ей так и не удалось: он не сводил глаз с экрана, где показывали мультфильмы. Ладно, один раз не поел, это еще не конец света. Диана отодвинула поднос, надела Люсьену наушники и задумалась. Какой язык выбрать? Английский или французский? А может, просто включить музыку? Она ни в чем не была уверена. Наконец выбрала музыку, тщательно отрегулировав громкость.

Стюардессы унесли подносы, притушили свет, и в салоне наступил покой. Люсьен уже задремал. Диана прилегла на свободные кресла справа от него и прикрылась пледом. В дальних перелетах она больше всего любила именно этот час: вокруг царит полумрак, на стене мерцает экран телевизора, застывшие пассажиры в наушниках, укутанные в одеяла, похожи на коконы… Все словно плывет, парит между сном и высотой, где-то над облаками.

Диана прислонилась затылком к спинке кресла и постаралась не шевелиться. Понемногу мышцы ее расслабились, плечи поникли. Она почувствовала, как возвращается, растекаясь по венам, спокойствие. Закрыв глаза, она прокручивала в голове разные этапы своей жизни, которые привели к крутому повороту в ее судьбе.

Ее спортивные успехи и светские подвиги остались в прошлом. В 1992-м Диана с блеском защитила докторскую диссертацию по этологии: «Приемы охоты и организация зон обитания крупных хищников в национальном заповеднике Масаи-Мара в Кении». Она сразу начала работать на частные фонды, выделявшие значительные средства на изучение и защиту природы. Диана путешествовала по Субсахарской Африке и Юго-Восточной Азии, участвовала в программе сохранения бенгальских тигров в Индии. Год она изучала канадских волков, проследив их миграцию до северо-западных территорий страны.

Теперь Диана вела бродячую одинокую жизнь исследователя, много путешествовала по миру, общаясь главным образом с природой, что вполне соответствовало ее детским мечтам и чаяниям. Наперекор всему и вся, несмотря на пережитые травмы и тайные фобии, Диана сумела стать счастливой. В основе этого счастья лежала независимость.

Но в 1997 году в ее жизни начался новый этап.

Она приблизилась к порогу тридцатилетия.

Сама по себе эта дата мало что значила. Особенно для такой женщины, как Диана: высокая и гибкая, она проводила большую часть времени на свежем воздухе, что лучше всего защищало ее от потрав быстротекущих лет. Однако с точки зрения биологической цифра «3» была знаковой. Как ученый-естественник, Диана знала, что именно в этом возрасте матка начинает стареть. В развитых странах женщины заводят детей все позже, хотя природой их детородным органам предназначено начинать функционировать много раньше, как у тех африканских маленьких мам, едва достигших пятнадцатилетия, которых ей так часто доводилось встречать на своем пути. Грядущее тридцатилетие стало для нее символическим порогом, напомнив Диане горькую неоспоримую истину: детей у нее не будет – никогда. По той простой и очевидной причине, что она никогда не заведет любовника.

Диана не была готова к очередному самоотречению и начала искать выход. Накупила книг и погрузилась в кошмары искусственного оплодотворения. Можно было использовать банк спермы. В этом случае в момент овуляции донорскую сперму введут либо в шейку матки, либо в саму матку, то есть врачи полезут ей внутрь острыми ледяными инструментами. Семенная жидкость незнакомого мужчины попадет в ее лоно, оросит детородные органы. Диана представила себе, как ее матка, фаллопиевы трубы, яичники пробуждаются, реагируя на вторжение. Нет. Никогда. Для нее это равносильно новому изнасилованию.

Прочла она все и о втором способе – зачатии in vitro. У женщины забирают яйцеклетки и оплодотворяют их «в пробирке». Идея операции в холодной стерильной операционной понравилась Диане, и она продолжила чтение. Выяснилось, что на последней стадии эмбрионы возвращают в матку. Диана разозлилась на себя. Какая же она дура: вообразила – пусть и на мгновение! – что «в пробирке», за запотевшим от холода стеклом, пройдет вся беременность, а она сможет наблюдать, как в этой бесплотной среде растет и развивается ее дитя!

Стойкие фобии воздвигли между ней и любым из вариантов искусственного оплодотворения непреодолимую стену. Все ее тело, и особенно матка, никогда не примет участия в цепи чудесных превращений, не выполнит своего предназначения. У Дианы началась глубокая депрессия, она попала в клинику, а

потом укрылась на вилле своего отчима Шарля Геликяна, на склонах горы Ванту в Любероне.

Именно там, греясь на солнце и слушая стрекот сверчков, Диана приняла новое решение: она выберет усыновление, раз все остальные пути для нее закрыты. В конечном счете, усыновляя ребенка, женщина берет на себя моральные обязательства, отказываясь от уродливой попытки имитировать природу. В ее ситуации это самое логичное и честное решение. По отношению к самой себе. И к ребенку, который разделит ее жизнь.

Осенью 1997 года она предприняла первые шаги. Сначала ее всеми силами и средствами пытались отговорить. Формально полное усыновление разрешалось и одиноким, но на поверку получить согласие надзирающих органов оказалось крайне сложно: в подобных случаях инспекторы Национальной ассоциации всегда готовы были предположить гомосексуальные наклонности. Диана не отступилась, заполнила все документы, и потянулись долгие месяцы хождений по инстанциям. Конца и края ее мучениям не предвиделось.

Полтора года спустя отчим предложил Диане помощь. У него, по его словам, была возможность ускорить прохождение ее документов. Сначала она категорически отказалась, считая, что это позволит матери вмешаться – пусть и косвенно – в ее судьбу, но потом изменила решение. Мании, фобии и злость не должны помешать осуществлению столь важного плана. Диана так и не узнала, что именно предпринял Шарль Геликян, но через месяц она получила согласие Ассоциации.

Дело было за малым: найти приют, где бы ей предложили ребенка, – Диана почему-то всегда воображала, что это будет мальчик и она обретет его на краю света. Она связалась с множеством организаций, которые патронировали детские дома на разных континентах, и Шарль снова выступил посредником. Из года в год в очередном приступе меценатства он жертвовал значительные суммы Фонду Борья-Мунди, финансировавшему сиротские заведения Юго-Восточной Азии. Если Диана обратится в этот фонд, последний этап удастся преодолеть в сжатые сроки.

Диана дважды летала в Бангкок, чтобы окончательно урегулировать формальности, и три месяца спустя смогла отправиться в Ранонг. Шарль контролировал и выбор ребенка: в отличие от большинства приемных матерей Диана хотела, чтобы ребенку было лет пять, не меньше. Женщинам кажется, что

новорожденные дети легче адаптируются, но Диане была отвратительна сама мысль о том, что некоторым малышам не повезло дважды: они не только сироты, но еще и слишком взрослые сироты, то есть «невостребованный товар».

Внезапно сидевший рядом с ней мальчик подскочил в кресле. Диана открыла глаза и обнаружила, что салон залит солнечным светом. Они приземлялись. В панике она прижала к себе ребенка и почувствовала, как самолет покатился по взлетно-посадочной полосе. «Это не шины шуршат о бетон, – отстраненно подумала Диана. – В соприкосновение с реальностью пришли мои собственные мечты…»

5

Помимо многих других принятых решений, Диана собиралась в первый же день вернуться к своей обычной работе. Ей предстояло поскорее приучить Люсьена к распорядку их повседневной жизни. В тот момент она составляла доклад об «Околосуточном ритме крупных хищников в национальном парке Гванге в Зимбабве». Чтобы получить гранты Международного фонда защиты дикой природы, который уже спонсировал ее экспедицию в Южной Африке, закончить работу нужно было немедленно. Каждый день Диана отправлялась в лабораторию этологии факультета д’Орсе: ей выделили небольшой кабинет рядом с библиотекой, чтобы она могла свериться со всеми научными источниками.

Диана наняла для Люсьена няню: милая молодая таиландка училась в Сорбонне, говорила на безупречном французском и казалась воплощением доброты и нежности. Диана держала данное себе слово: уходила в девять утра и возвращалась в шесть вечера, но уже через неделю дала слабину. Каждое утро выходила из дома чуть позже. Каждый вечер возвращалась чуть раньше. Она ничего не могла с собой поделать: для нее начался «сезон любви», она хотела быть с сыном – и оставалась с ним.

Это было абсолютное счастье.

Чем веселее улыбался ребенок, чем чаще проявлялась его детская непоседливость, тем дальше отступали страхи приемной матери. Люсьен

объяснялся с Дианой жестами, смехом и гримасами. Он стремительно становился горожанином. Диана принимала игру, отвечала по-французски, стараясь не показывать своего изумления.

Она столько раз воображала себе это маленькое создание, что в ее мечтах уже сложился его вымышленный образ. Но сегодня ребенок был с ней, и все стало иным. Теперь рядом жил реальный мальчик, с реальным лицом и реальным темпераментом. Все, что она замыслила, рассыпалось в прах. Казалось, что Люсьен необычайно легко сбрасывает воображаемую оболочку, которую слепила для него Диана, являя ей и миру себя настоящего, неожиданного, потрясающего и бесконечно достоверного – потому что бесконечно подлинного.

Церемония купания Люсьена неизменно приводила Диану в восторг. Она без устали разглядывала его изящное тело, узкую белую спину, тонкие, как у птички, но крепкие косточки. Ни у одного из детей, которых она видела в приюте, не было такой восхитительной, гладкой молочно-белой кожи, под которой пульсировали синие жилки. Люсьен напоминал Диане цыпленка, жаждущего проклюнуться сквозь яичную скорлупу.

Другой момент чистого созерцания наступал, когда Диана укладывала сына спать и рассказывала ему на ночь сказку. Люсьен быстро засыпал, и она тоже погружалась в дремоту, убаюканная нежными касаниями своих пальцев. Теплота кожи. Легкое дыхание. Тонкие, легкие волосы, которые просто невозможно не ласкать. Откуда у него такие волосы? Из какого генного хранилища? Из чужих далеких краев. Именно эти слова всякий раз приходили в голову Диане в полумраке детской спальни. Каждая черта лица, все части тела говорили Диане о происхождении мальчика из чужих далеких краев – но это только сближало их и сплачивало.

Личность Люсьена представала перед Дианой как выстроенное из стекла здание. С течением дней она все лучше узнавала его формы, изгибы и вершины. Она всегда воображала, что Люсьен будет резвым, живым и непредсказуемым. А он оказался невероятно нежным и милым. Несмотря на повадки дикаря – он ел руками, не любил мыться, прятался, как только приходил кто-нибудь чужой, – мальчик проявлял восхищавшие молодую женщину восприимчивость и интуицию.

К чему себя обманывать? Люсьен был именно таким ребенком, какого она сама хотела бы произвести на свет.

Все, что так восхищало Диану в мальчике, соединялось в особом ритуале – пении и танце, которыми она могла наслаждаться бесконечно. Будь то ради игры или по природной склонности, но ее приемный сын предавался этим занятиям при малейшей возможности. Обнаружив страсть Люсьена, Диана купила ему ярко-красный кассетник с лимонно-желтым пластмассовым микрофоном. Малыш записывал свои выступления, аккомпанируя себе на импровизированных барабанах. Гвоздем номера становился оригинальный танец. Он неожиданно вытягивал ногу под прямым углом, ощупывал пальцами невидимую завесу, потом резко поворачивался, чтобы закружиться вокруг своей оси в другом ритме. Его маленькая фигурка съеживалась, наклонялась, откидывалась, раскрывалась, как крылья жука, изгибаясь в такт барабану.

Во время одного из таких вот неистовых выступлений Люсьена Диана осмелилась признаться себе, что совершенно счастлива. За три недели она достигла такой безмятежной ясности, такого мира в душе, какие не надеялась обрести и за много лет. Впервые за всю жизнь Диане удалось сделать что-то для самой себя.

И в этот миг она заметила красную мерцающую дату на своем кварцевом будильнике.

Понедельник, 20 сентября.

Возможно, все устроилось как нельзя лучше, но неумолимо надвигалось страшное событие.

Ужин в гостях у матери.

6

Тяжелая бронированная дверь открылась, и на пороге возник хрупкий женский силуэт.

Падавший из вестибюля свет окружал ее голову золотистым ореолом. Диана, вытянувшись в струнку, застыла на пороге. Люсьен спал у нее на руках. Сибилла

Тиберж шепнула:

– Он спит? Входи. Дай мне на него взглянуть.

Диана собиралась шагнуть в вестибюль, но из гостиной донеслись голоса, и она замерла:

– Вы не одни?

На лице ее матери отразилось смущение:

– Шарль давно задумал этот ужин, так что…

Диана повернула назад, к лестнице. Сибилла остановила ее, схватив за руку.

– Куда ты? Ну что за безумие? – Как всегда, она попыталась смягчить властность тона нарочитой нежностью.

– Ты обещала мне ужин в семейном кругу.

– Некоторые обязательства невозможно нарушить. Не будь идиоткой. Входи.

На площадке царил полумрак, но Диана ясно различала фигуру матери. Сибилле исполнилось пятьдесят пять лет, но она по-прежнему напоминала русскую красавицу с советского агитплаката: кукольное личико, светлые брови, пышные золотистые волосы. Шелковое китайское платье с узором из переливчатых птиц на черном фоне подчеркивало тонкую круглую талию. Низкий вырез открывал безупречную грудь (безупречную от природы – это Диане было доподлинно известно). Сибилле пятьдесят пять, но она не утратила ни грана чувственности, и Диана внезапно почувствовала себя худой и нескладной как никогда.

Обреченно пожав плечами, она последовала за матерью, лишь прошептав:

– Заговоришь за столом о Люсьене – убью.

Сибилла кивнула, проигнорировав грубость дочери. Они прошли по длинному коридору, миновали просторные, хорошо знакомые Диане комнаты. Экзотическая мебель отбрасывала тени на огромные ковры-килимы. Белоснежные стены испещрены яркими пятнами полотен современных художников. Во всех углах, нишах и на низких столиках – изысканные дорогие лампы с приглушенным светом.

Сибилла приготовила для Люсьена белую деревянную кровать в светлой спальне, отделанной шелком и тюлем. Диана вдруг испугалась, что ее мать увлечется ролью бабушки, но решила согласиться на перемирие, похвалила убранство комнаты и осторожно уложила Люсьена. Они постояли рядом, любуясь спящим ребенком.

Впрочем, Сибилла сразу же вернулась к привычной светской болтовне и предупреждениям насчет ужина. Диана не слушала. На пороге гостиной Сибилла обернулась, окинула взглядом наряд дочери, и на ее лице отразилось смятение.

– Что такое? – спросила Диана.

На ней был коротенький свитер, широченные холщовые брюки на бедрах и пиджачок из синтетических черных перьев.

– Что? – повторила она. – В чем дело?

– Ни в чем. Я только сказала, что твоим визави будет министр. Член правящего кабинета.

Диана пожала плечами:

– Мне плевать на политику.

Сибилла снизошла до улыбки и открыла дверь в гостиную.

– Будь вызывающей, забавной, даже глупой. Будь какой захочешь. Но давай обойдемся без скандала.

Гости, расположившись в креслах, обитых шелком золотисто-охряного цвета, потягивали коньяк. Пожилые седовласые мужчины громко переговаривались. Их супруги, затаившись, вели безмолвный поединок, прикидывая, сколько лет их разделяет, словно годы были рвами, кишащими крокодилами. Диана вздохнула: вечер обещал быть смертельно скучным.

Она подумала, что ее мать так и не отделалась от своих маленьких пристрастий. Где-то тихо звучала музыка «Led Zeppelin» – со времен бурной молодости Сибилла слушала только тяжелый рок и джазовые импровизации. На столе лежали приборы из стеклопластика – у Сибиллы была аллергия на металл. Диана точно знала, что главным в меню будет сладко-соленое блюдо с медом: мать приправляла им любую еду.

– Девочка моя! Иди поздоровайся со мной!

Диана улыбнулась и направилась к распахнувшему ей объятия отчиму. Коренастый Шарль Геликян напоминал персидского царя. У него было смуглое лицо и узкая бородка от уха до уха. Курчавые волосы, венчиком окружавшие череп, напоминали грозовые тучи и удивительно гармонировали с темными глазами. «Девочка моя» – именно так он ее всегда называл. Почему «девочка», если Диане стукнуло тридцать? И почему «его», ведь они познакомились, когда ей было четырнадцать? Загадка. Она решила не углубляться в языковые нюансы и дружески помахала отчиму, но щеку для поцелуя не подставила. Шарль не настаивал – он знал, что падчерица не склонна к особым нежностям.

Гости перешли за стол, и беседа стала общей. Шарль, как всегда, блистал красноречием. Диана сразу полюбила нового – она не помнила, которого по счету, – спутника матери. Очень скоро он стал ее отчимом. В профессиональной сфере Шарль Геликян был знаменитостью. Он открыл кабинеты психологической помощи на нескольких предприятиях, потом сменил амплуа на советника крупных боссов и политических деятелей, выполняя весьма деликатные поручения. Какие советы он давал? Что именно ему поручали? Диана никогда ничего в этом не понимала и не знала, ограничивается Шарль тем, что выбирает цвет костюмов своих клиентов, или управляет за них их предприятиями.

По большому счету, ей было плевать и на профессию отчима, и на его успех. Она восхищалась Шарлем за его человеческие качества – великодушие и гуманистические убеждения. Этот бывший левак потешался над собой сегодняшним – богатым добропорядочным буржуа. Он жил в роскошной

квартире, но продолжал рассуждать об альтруизме, народовластии и социальном равенстве, не боялся воспевать «бесклассовое общество» и «диктатуру пролетариата», хотя они и стали причиной едва ли не всех притеснений и геноцида в XX веке. В устах Шарля Геликяна скомпрометировавшие себя понятия приобретали прежнее величие и силу. Он говорил о них красиво и со знанием дела, к тому же сохранил в глубине души искреннюю пылкую веру.

Диана втайне ностальгировала по идеалам, вдохновлявшим поколение ее матери, хотя сама их не разделяла. Так человек, в жизни не выкуривший ни одной сигареты, может любить изысканный аромат дорогого табака. Революционная утопия завораживала Диану, хотя она все знала о резне, гонениях и несправедливостях. Когда Шарль сравнивал «красный» социализм с инквизицией и объяснял, что люди, узурпировавшие самую светлую и прекрасную мечту человечества, превратили ее в культ ужаса, она, как прилежная ученица, слушала, не сводя с него глаз.

Этим вечером разговор шел об огромных, практически безграничных, блистательных перспективах Интернета. У Шарля был свой взгляд на Сеть: он видел за технологической мишурой новый способ подчинения, даже закабаления людей, имеющий целью заставить каждого потреблять все больше, утрачивая связь с реальностью и забывая об общечеловеческих ценностях.

Сидевшие за столом гости согласно кивали. Диана незаметно наблюдала за ними: всем этим крупным предпринимателям и политическим деятелям было, как и Шарлю, глубоко наплевать на Интернет и будущее закабаление человечества. Они пришли, чтобы услышать непривычные мысли и насладиться общением с хозяином дома: обаятельный курильщик сигар напоминал им об их молодости, когда они действительно пылали праведным гневом, который теперь могли лишь изображать.

Неожиданно министр решил пообщаться с Дианой:

– Ваша мать сказала, что вы этолог.

У него была кривоватая улыбка, нос с горбинкой и бегающие, словно подвижные японские водоросли, глазки.

– Совершенно верно, – тихо ответила она.

Политик улыбнулся, прося остальных о снисхождении.

– Должен признаться в собственном невежестве – я не знаю, чем занимается эта наука.

Диана прикрыла глаза, чувствуя, что краснеет, опустила руку на стол и пояснила бесцветным голосом:

– Этология изучает поведение животных.

– Каких именно животных изучаете лично вы?

– Диких зверей. Пресмыкающихся. Хищников.

– Не слишком подходящий мир… для женщины.

Диана подняла глаза. Взгляды всех присутствующих были направлены на нее.

– Это как посмотреть. У львов, например, охотится только самка. А самец сторожит детенышей, защищает их от нападения. Львица – самое опасное создание африканской саванны.

– Какую мрачную картину вы нам нарисовали…

Диана сделала глоток шампанского.

– Отнюдь. Это одна из граней жизни на Земле.

Министр усмехнулся:

– Набивший оскомину штамп: жизнь, питающаяся смертью…

– Штамп потому и штамп, что жизнь то и дело подтверждает его справедливость.

За столом воцарилось молчание. Сибилла рассмеялась:

– Надеюсь, серьезный разговор не помешает вам насладиться десертом!

Диана с насмешкой взглянула на мать. По лицу Сибиллы пробежал нервный тик. Уже передавали десертные тарелки и ложечки, но тут политик поднял руку:

– Еще один – последний – вопрос.

Все замерли, и Диана вдруг поняла, что для гостей матери этот человек был в первую очередь министром и уж потом – приятным сотрапезником. Он произнес, не спуская с нее глаз:

– Зачем вы носите в ноздре золотую сережку?

Диана развела руками – мол, разве это не очевидно? Пламя свечей отразилось в ее тяжелых, чеканного серебра, кольцах.

– Для того чтобы слиться с массой, конечно.

Супруга министра, сидевшая от него по правую руку, наклонилась вперед и бросила, глядя на Диану в упор:

– Полагаю, у нас с вами разные «массы»?

Диана допила вино и только теперь поняла, что перебрала свою норму. Она ответила, обращаясь к политику:

– Известно ли вам, что из всех видов обитавших на Земле зебр выжило всего несколько?

– Увы, нет.

– Уцелели лишь те, чьи тела были сплошь покрыты полосками. Остальные вымерли: их камуфляж не создавал стробоскопического эффекта во время бега в высокой траве.

Министр изобразил удивление:

– Но при чем тут ваша сережка? Что вы имеете в виду?

– Я пыталась объяснить, что спасает только полный камуфляж.

Она поднялась и выставила на всеобщее обозрение голый пупок с пирсингом. Министр улыбнулся и заерзал на стуле. Его жена откинулась на спинку стула, спрятав в тень застывшее как маска лицо. Над столом поднимался смущенный ропот.

Диана стояла в вестибюле, держа на руках завернутого в шерстяное одеяло Люсьена.

– Ты совсем обезумела, – сквозь зубы процедила Сибилла.

Диана открыла дверь.

– Что я такого сказала?

– Это очень влиятельные люди. Они терпят твое общество, а…

– Ошибаешься, мама. Это мне пришлось терпеть их присутствие за столом. Ты хотела устроить ужин в тесном семейном кругу, не забыла?

Удрученная Сибилла покачала головой. Диана продолжила:

– Не знаю, правда, о чем бы мы стали говорить…

Ее мать ответила, теребя свои белокурые локоны:

– Мы должны говорить друг с другом. Вместе обедать.

– Вот-вот. Вместе обедать. Пока.

Выйдя на лестницу, она прислонилась к стене и несколько секунд стояла в темноте. Наконец она вздохнула свободно. Соприкосновение с теплым телом сына подействовало на нее успокаивающе. Она приняла новое решение. Нужно оградить Люсьена от этого фальшивого мира. И защитить его от приступов ее собственного гнева, еще более нелепых, чем пустые светские ужины.

– Можно мне на него посмотреть?

В освещенном проеме двери появился Шарль. Он подошел поближе, чтобы заглянуть в лицо спящего ребенка.

– Какой красивый мальчик…

От Шарля пахло тонкой туалетной водой и дорогими сигарами. Эти мужские запахи вызвали у Дианы привычный дискомфорт.

Шарль погладил Люсьена по волосам:

– Рано или поздно он станет похож на тебя.

Она пробормотала:

– Ладно. Пойду пешком. Не люблю лифты.

– Подожди.

Неожиданно Шарль схватил ее за руку и притянул к себе, чтобы поцеловать. Диана отшатнулась, но отчим все-таки успел коснуться губами ее рта.

Она содрогнулась от отвращения, попятилась и начала спускаться по лестнице задом наперед, уставившись на Шарля.

– Желаю тебе удачи, детка, – прошептал он ей вслед.

И Диана побежала вниз, как паучок по паутине, едва касаясь ногами ступеней.

7

Мимо на бешеной скорости проносились огни тоннеля, навевая Диане мысли о научно-фантастических боевиках, погонях в мерцающих таинственным светом подземельях и смертоносных бластерах.

Диана мчалась по левому ряду кольцевого бульвара. Алкоголь еще не выветрился, с реальностью ее связывал только руль собственной машины. Она водила «тойоту лендкрузер», огромный внедорожник, который достался ей после одного из путешествий по Африке. У джипа был обрешеченный обтекаемый кузов, из старого мотора не выжмешь больше 120 километров в час, но Диана была привязана к своей машине.

Она выехала из тоннеля. С неба с металлическим скрежетом сыпался дождь. Диана взглянула в зеркало на Люсьена. Мальчик мирно спал, уютно устроившись в своем креслице.

Диана сосредоточилась на дороге. Как обычно, она выехала на кольцо у ворот Отей и теперь направлялась к воротам Майо. Так выходил крюк, но Диана ненавидела петлять по XVI округу. Отчим тысячу раз пытался объяснить ей точный маршрут, но она отказывалась запоминать повороты и объезды. Шарля это веселило, и он сдавался.

Что это еще за история с поцелуем? Она прогнала воспоминание о странном поведении отчима, как сплюнула, и пригнула голову, чтобы лучше видеть залитый дождем бульвар. Зачем он это сделал? Что это было – очередная экстравагантная выходка Шарля? Заимствованная у кого-то поза? Нет: поцелуй не был простым проявлением привычного кокетства и явно имел иной смысл. Он вообще впервые так ее обнял.

Дождь яростно барабанил по ветровому стеклу. Видимость была почти нулевой. Диана попыталась запустить дворники на полную мощность, но у нее ничего не вышло. Она снова проверила сына. Люсьен не просыпался. По его лицу пробегали теплые оранжевые сполохи от фонарей. Диана успокоилась. Этот маленький мальчик стал скрепой в ее судьбе, пробудил в ней силу, о которой она сама не подозревала. Ничто другое теперь не имело для нее значения.

Диана перевела взгляд на дорогу и пришла в ужас.

Рассекая стену воды, поперек дороги летел тяжелый неуправляемый грузовик.

Диана ударила по тормозам. Грузовик с жутким грохотом врезался в ограждение, кабина подпрыгнула, и прицеп встал поперек полос. Кабина, развернувшись на три четверти, снова, на этот раз правым боком, с металлическим скрежетом налетела на предохранительную ограду, высекая сноп искр.

Диана хотела закричать, но только беззвучно разевала рот. Она снова нажала на педаль, но добилась обратного эффекта и впала в ступор. Ее машина летела вперед с заблокированными колесами, полностью утратив сцепление с дорогой. Грузовик резко развернуло.

«Тойота» Дианы была уже в нескольких метрах от монстра. Она все жала и жала на тормоза, пытаясь справиться с управлением, но скорость только росла, однако эта доля секунды тянулась бесконечно.

Она вдруг представила, как «тойота» на полном ходу врежется в металлическую штангу, вдавив ее тело в ограду, втиснув в грузовик, и она умрет, раздавленная, растерзанная на куски, и будет лежать в крови, в груде искореженного железа.

Ей наконец удалось закричать, и она резко вывернула руль влево.

Машина врезалась в исковерканное ограждение. У Дианы перехватило дыхание. Она ударилась головой о зеркало. В глазах потемнело, внутри как будто что-то взорвалось. Время остановилось. Фермата. Диана закашлялась, икнула, сплюнула сгустки кровавой мокроты. Она смутно поняла, даже не поняла – физически ощутила, что жива.

Она разжала веки. Надвигавшееся на нее прозрачное нечто было ветровым стеклом деформированной кабины. Диана попыталась пошевелить головой, и на нее посыпался град осколков. Оторвавшаяся крышка багажника придавила плечи, заблокировав затылок на манер колодок. Сквозь волну боли пробивалась тревожная мысль. Что-то тут не так: ветровое стекло цело, так откуда осколки?

Первая ее сознательная мысль была о Люсьене. Диана обернулась и окаменела от ужаса: детское кресло пустовало. Заднее сиденье машины было усеяно стеклом и испачкано кровью. Ливень хлестал в разбитое окно, обивка с медвежатами успела насквозь промокнуть. Диана нащупала исцарапанными руками очки: стекла треснули, но она убедилась, что ребенка в машине нет. При столкновении он вылетел через стекло.

Диане удалось расстегнуть ремень. Она толкнула плечом дверь, вывалилась из машины и приземлилась в лужу, порвав куртку об острые края ограды. Сознание путалось, но она чувствовала запах мокрой травы и горелого масла. Диана поднялась и, прихрамывая, потащилась к шоссе. Темноту ночи разрезал свет фар. Гудение автомобильных клаксонов слилось в один пронзительный вопль. Диана не видела ничего, кроме вытекшего на асфальт бензина: маслянистые лужи переливались всеми цветами радуги.

Она пошатнулась, цепляя взглядом фрагменты ужасной картины. Грузовик развернуло по всей ширине бульвара в форме перевернутой буквы V. Яркий логотип фирмы красовался на мокром брезенте прицепа, хлопающего под проливным дождем. Водитель выбирался из кабины, обхватив голову окровавленными руками. Не было только Люсьена. Его нигде не было.

Диана подошла поближе и внезапно застыла как вкопанная: она заметила красную детскую кроссовку, а чуть в стороне разглядела зловещую тень. Люсьена отбросило под прицеп: он лежал, опутанный вырванными проводами, под самой выхлопной трубой. Теперь Диана ясно различала все детали. Под головкой ее сына растеклась темная лужа, тело наполовину завалено железяками, пушистая курточка насквозь промокла под дождем и пропиталась бензином… Она собрала последние силы и шагнула вперед.

– Не ходите туда…

Кто-то удержал ее за руку.

– Не ходите. Вам не надо на это смотреть.

Диана непонимающе взглянула на незнакомого мужчину. Откуда-то слева донесся голос:

– Вы ему уже не поможете, мадам…

Ливень приглушал звуки. Диана не схватывала значения слов. Кто-то сказал:

– Я все видел… Черт возьми… Невероятно, что вы совсем не пострадали… Благодарите ремень безопасности…

Как только смысл последней фразы дошел до Дианы, она вырвалась и побежала к своей машине. Кузов все еще не остыл, заднюю дверь заклинило, но она тянула из последних сил, а открыв, принялась тщательно обследовать засыпанное стеклом детское кресло.

Ремень безопасности лежал рядом с сиденьем.

Диана не пристегнула Люсьена.

Он погиб из-за ее небрежности.

Жесткий спазм скрутил ее внутренности. Буря. Молнии. Бездна.

Земля начала стремительно приближаться: Диана упала на колени.

Она больше ни о чем не думала, ничего не чувствовала. Била себя по лицу сжатыми кулаками, обагряя перстни кровью.

8

Реанимационный блок состоял из трех, разделенных застекленными перегородками отсеков. Двери других палат тоже выходили в коридор. Диана неподвижно сидела в темноте у хромированной кровати. Она была в халате, шапочке и маске и чувствовала себя прикованной к этой металлической колыбели, на которой лежал опутанный проводами, подключенный к аппаратам Люсьен.

Мальчика интубировали, подключив его к аппарату искусственного дыхания. Вдоль правой руки змеилась трубка капельницы. Как объяснили Диане врачи, электрический счетчик позволял круглые сутки впрыскивать больному точные дозы лекарств. Катетер в левой руке измерял давление, а прищепка на пальце блестела в полумраке, как рубиновая капля, выдавая данные о «насыщении кислородом».

Диана знала, что одеяло прикрывает электроды, следящие за работой сердца. Не видела она – и благодарение Богу! – двух дренажных трубок: их скрывала повязка на голове. Она перевела взгляд на висевший слева от изголовья монитор. На экране высвечивались зеленые волны и цифры, отражающие физиологическую активность лежавшего в коме ребенка.

Глядя на них, Диана все время думала о часовне. О месте, где человек может отрешиться от суетности окружающего мира и помолиться среди золота окладов и дароносиц, вдыхая запах ладана и горящих свечей… Мерцающие зеленые линии и цифры были ее свечами. Им она давала обеты, на них надеялась, им возносила молитвы.

Она практически не покидала ординаторскую нейрохирургического отделения детской больницы имени Неккера. С момента аварии Диана почти не сомкнула глаз, ничего не ела и не принимала транквилизаторов. Все ее мысли были заняты одним: она перебирала в памяти каждую минуту, каждую деталь того, что случилось после столкновения.

Появление первой машины спасателей вырвало ее из бездны отчаяния.

Услышав сирену, она перестала молотить себя кулаками и не сводила глаз с фургона, пробиравшегося среди стоявших на шоссе машин. Он был красный. Хромированный. С металлическими приспособлениями по бокам. Пожарные в спецодежде покинули фургон, а на осевой показалась машина городской полиции. Полицейские в куртках анилиново-оранжевого цвета перекрыли шоссе, направив поток машин по крайней левой полосе: только ее не заблокировал грузовой прицеп.

Диана поднялась и встала рядом с «тойотой». Пожарные бесцеремонно отодвинули ее в сторону и немедленно залили машину пеной. Совершенно

потерянная, она чувствовала, что вокруг, несмотря на дождь, толпится все больше водителей, слышала, как они перешептываются. Но до нее доходили только собственные слова, стучавшие в мозгу: «Я убила своего сына. Я убила сына…»

Она повернулась к грузовику и заметила среди людей в капюшонах, стоявших в тоннеле, человека в кожаной куртке: он шел как раз оттуда, где под прицепом был зажат ее сын. Она двинулась к нему, ведомая инстинктом. Пожарный нырнул в кабину своей машины, достал рацию. Когда Диана была в нескольких метрах от него, она услышала его истошный крик:

– Подтверждаю, авария у ворот Пасси, тяжелая… Где эти чертовы врачи?

Мелкий дождь брызгал Диане в лицо. Пожарный продолжал орать:

– Есть пострадавший. Мальчик. Ну… Он дышит, но…

Пожарный не закончил фразу, кинул рацию на сиденье и побежал навстречу фургону, выезжавшему из-за стены дождя. Диана прочла блестевшие на кузове буквы: это была парижская «скорая» из больницы имени Неккера. Диана вздрогнула, возвращаясь к жизни. Секунду назад она стояла окаменевшая, опустошенная. Теперь у нее появилась надежда. Надежда на спасение. Сердце бешено колотилось в груди, она не спускала глаз с медиков «скорой», которые бежали спасать ее сына.

Диана побежала следом за врачами, и ей удалось проникнуть за полицейское оцепление. Она прижалась к кабине грузовика. Бензин и смазка, не смешиваясь с дождевой водой, растеклись по асфальту пленкой. Оранжевый свет фар отражался от ее маслянистой поверхности. Все спасатели сгрудились у прицепа, загородив Люсьена от матери.

Она подошла поближе, заставляя себя смотреть. Ее била дрожь, но какая-то внутренняя сила помогала ей держаться и напрягать зрение. Наконец она разглядела хрупкую фигурку сына. У Дианы подкосились ноги, когда она увидела рану на голове Люсьена, лужицу черной крови и ободранную до мяса кожу под вырванными с корнем волосами. Она опустилась на колено: под грузовиком рядом с ее сыном лежал скрюченный в три погибели мужчина и что-то рычал в рацию:

– О’кей. У меня здесь ушиб мозга. Наверняка двусторонний. Так. Мне срочно нужен педиатр. Немедленно! Вы записываете?

Диана сжала губы. Ей казалось, что слова впечатываются в ее плоть, обжигают кожу. Врач выбрался из-под стального чрева грузовика. Поверх белого халата на нем была куртка.

– Кома, именно так… По шкале Глазго…

Он молниеносным жестом поднял веки мальчика, пощупал пульс на шее и запястьях.

– …четыре.

Он снова заглянул Люсьену в глаза.

– Подтверждаю: четыре по шкале Глазго. Педиатр выехал? – Он осмотрел руку мальчика и добавил: – Открытый перелом правого локтя. Скальпированная рана головы. Неопасная. Следующий сеанс связи через десять минут.

Стоявший рядом с ним медбрат торопливо открывал откидной клапан рюкзака на липучке, другой сворачивал одеяла и отгораживал раненого ребенка от искореженного металла. Пожарные натягивали тенты, чтобы защитить медиков от дождя. Никто не обращал на Диану ни малейшего внимания.

Врач начал массировать челюсти Люсьена, осторожно оголяя его шею. Фельдшер надел ему шейный корсет, и доктор одним движением защелкнул его.

– Хорошо. Интубируем.

В его руке как по волшебству появилась прозрачная трубка, он ввел ее в приоткрытый рот мальчика, а второй фельдшер поставил катетер в левую руку Люсьена. Они действовали, повинуясь рефлексам, выработанным за годы работы в экстремальных условиях.

– Какого черта вы тут делаете?

Диана подняла глаза. Врач не стал дожидаться ответа – пелена дождя не скрыла от него отчаяния во взгляде женщины – и нетерпеливо спросил:

– Сколько ему лет?

Она что-то пролепетала, потом повторила – громче, перекрывая шум дождя:

– Шесть или семь.

– Шесть или семь?! – рявкнул врач. – Вы издеваетесь?

– Он мой приемный ребенок. Я… я только что его усыновила. Всего несколько недель назад.

Доктор собрался было что-то сказать, но передумал. Он расстегнул курточку Люсьена, приподнял свитер. У Дианы перехватило дыхание: тело Люсьена было черным. Прошло несколько бесконечных минут, прежде чем она поняла, что это не кровь, а машинное масло. Врач вытер марлей грудь мальчика и спросил, не поднимая глаз на Диану:

– Знаете его анамнез?

– Что-что?

Он сварливо пояснил, приклеивая пластырем электроды к груди маленького пациента:

– Чем болел ваш сын? Что вам вообще известно о состоянии его здоровья?

– Ничего.

– Вы сделали ему прививку от столбняка?

– Да. Две недели назад.

Врач протянул проводки второму фельдшеру, тот подключил их к ящику в черном холщовом чехле, а доктор надел на руку мальчика браслет тонометра. После сигнала еще два провода присоединили к другому аппарату.

Пожарный в огромных перчатках и накинутой на плечи куртке нырнул под навес. За его спиной Диана увидела медленно двигавшийся задним ходом грузовик с надписью «Техпомощь» на борту. Работавшие под дождем люди тянули к месту аварии непонятные орудия, гидравлические домкраты на тележках, другие, одетые в огнеупорные костюмы, выстраивались полукругом, держа наизготовку огнетушители. Наступление готовилось по всем правилам.

– Начинаем?

Врач, обливаясь потом, не ответил. Снова послышался треск отдираемых липучек. В руках у фельдшера появился еще один монитор. На экране замерцали зеленые кривые и цифры. Диане показалось, что происходит нечто невозможное: она увидела, как пульсирует жизнь.

Жизнь Люсьена.

– Так мы начинаем или как?! – Пожарный сорвался на крик.

Врач уперся тяжелым взглядом в его стеганую куртку:

– Нет. Ждем педиатра.

– Невозможно. – Он кивнул на залитое маслом полотно дороги. – Через минуту здесь все…

– Я на месте.

Под навесом появился еще один врач. Всклокоченные волосы, бледное лицо, одет еще небрежнее врача «скорой». Между докторами состоялся короткий диалог, из которого Диана не поняла ни слова. Педиатр склонился над Люсьеном и приподнял ему веки:

– Черт…

– Что?

– Мидриаз. Зрачок расширен.

Возникла короткая пауза. Пожарный удалился. Техника неотвратимо приближалась.

– О’кей. – Педиатр наконец принял решение. – Полное обезболивание. Где рация?

Пока его коллега и фельдшеры выполняли предписание, он связался с больницей:

– Новые данные о пострадавшем в дорожной аварии. Готовьте операционную в неврологии. Более чем вероятна гематома мозговых оболочек. Повторяю: ГМО в одном из полушарий! – Он сделал паузу. – Понадобится вмешательство нейрохирурга и лечение ушиба мозга… – Еще пауза. – Да не знаю я! Точно могу сказать одно: мидриаз мы уже имеем. Черт, малышу нет и семи! Дагер. Нам нужен Дагер! Никто другой не справится!

Снова появился пожарный. Врач «скорой» коротко кивнул, и через несколько секунд их опять окружили. Санитары обложили мальчика войлочными одеялами и холщовыми подушками. Ножи домкратов въехали под раму грузовика.

– Вы должны отойти, – шепнул Диане спасатель.

Она бездумно кивнула и бросила последний взгляд на сына: обложенный одеялами Люсьен лежал между деревянными щитами, в тряпичных очках – глазной повязке.

В палате раздался пронзительный свист. Диана подскочила. Почти мгновенно появилась сестра и, даже не взглянув на молодую женщину, подвесила к металлической стойке новый пакет хлористого натрия и подсоединила его к капельнице.

– Который час?

Медсестра обернулась. Диана повторила свой вопрос:

– Который сейчас час?

– Девять вечера. Я думала, вы ушли, мадам Тиберж.

В ответ Диана только головой покачала. Она закрыла глаза, но под веками тут же началось жжение, как будто даже минутный отдых был ей заказан. Медсестра испарилась.

Диана снова погрузилась в воспоминания.

– Вы уверены, что не хотите поговорить у меня в кабинете?

Диана смотрела на стоявшего перед негатоскопом Эрика Дагера. На подсвеченном стекле были размещены рентгеновские снимки и сканограммы мозга Люсьена, бросавшие блики на лицо хирурга.

Она покачала головой и произнесла бесцветным голосом:

– Как все прошло?

Операция длилась больше трех часов. Врач сунул руки в карманы халата:

– Мы сделали все, что могли.

– Прошу вас, доктор. Мне нужен четкий и точный ответ.

Врач не отводил от нее взгляда. Все, с кем говорила Диана, заверили ее, что Дагер – лучший нейрохирург больницы имени Неккера. Виртуоз, вытащивший десятки детей из безвозвратной коматозной пучины.

– В результате аварии у вашего сына образовалась гематома твердой мозговой оболочки. Пузырь с кровью в правом полушарии. – Он указал на один из

снимков. – Мы вскрыли височную зону, чтобы получить доступ к гематоме, убрали сгустки крови и «заварили» все сосуды, произведя так называемый гемостаз. Мы закрыли прооперированный участок и поставили вытяжной зонд, через который будем отсасывать кровь. В этой части все прошло идеально.

– В этой части?

Дагер подошел ближе к экрану. Диана не взялась бы определить точный возраст хирурга – ему могло быть и тридцать и пятьдесят лет. Угловатое лицо было иссиня-бледным, но больным он не выглядел: казалось, что от него исходит внутренний свет. Хирург постучал пальцем по снимку:

– Есть еще одна проблема. У Люсьена двусторонний ушиб мозга, и тут мы почти бессильны.

– Какие-то участки серьезно пострадали?

Хирург сделал неопределенный жест:

– Мы не знаем. Сейчас нас больше волнует другое. Мозг, как и все остальные части человеческого тела, после удара отекает. Но черепная коробка закрыта, и никакое расширение этой емкости невозможно. Если мозг будет слишком сильно сжат стенками черепа, он не сможет выполнять жизненные функции и погибнет.

Диана покачнулась и вынуждена была опереться о стол. На бледном лице врача плясали синеватые блики от негатоскопа. Жара и мерцание ламп дневного света делали обстановку в помещении невыносимой.

– Вы… вы ничего не можете сделать?

– Мы поставили вторую дренажную трубку, чтобы постоянно контролировать внутричерепное давление. Если оно будет расти, мы откроем канал и откачаем несколько миллилитров спинномозговой жидкости. Это единственный способ.

– Но мозг ведь не может расширяться до бесконечности?

– Нет. Конечно нет. Мы должны будем очень внимательно следить за состоянием Люсьена, чтобы не допустить ухудшения, пока все не войдет в норму.

– Доктор, прошу вас, ответьте откровенно: Люсьен… он… мой сын может выкарабкаться? Выйти из комы?

Дагер снова сделал неопределенный жест:

– Да, если быстро снизится внутричерепное давление. В противном случае битва будет проиграна. Мозг погибнет.

В кабинете повисла тишина.

– Нужно ждать, – заключил Дагер.

И Диана ждала – вот уже девять дней.

Девять вечеров подряд она в конце концов возвращалась к себе на улицу Валетт рядом с площадью Пантеона. Беспорядок в доме был отражением ее беспомощности и одиночества.

Она пересекла центральный двор. Территория больницы с множеством корпусов, магазинчиков и часовней напоминала городок. Днем здесь царило обманчивое оживление, и родственникам пациентов почти удавалось забыть о болезнях и борьбе со смертью. Но по ночам, когда на больницу опускались тишина и одиночество, здания обретали загробное высокомерие, словно их обступали страх, недуги и небытие. Диана вступила на последнюю аллею, которая вела к высоким воротам.

– Диана…

Она остановилась и прищурилась, вглядываясь в темноту.

В круге света от фонаря на газоне выделялась темная фигура ее матери.

9

– Как он? – спросила Сибилла Тиберж. – Могу я на него взглянуть?

– Делай что хочешь.

Хрупкая блондинка мягко спросила:

– Что случилось? Я опоздала? Ты ждала, что я приду раньше?

Диана не мигая смотрела в одну точку над головой Сибиллы. Выдержав паузу, она наконец сказала, глядя на собеседницу сверху вниз – та была ниже на добрых двадцать сантиметров:

– Я знаю, о чем ты думаешь.

– И о чем же я думаю? – Сибилла слегка повысила голос.

Диана отчеканила:

– Ты думаешь, что мне ни в коем случае не следовало его усыновлять.

– Да ведь я сама тебе посоветовала!

– Не ты – Шарль.

– Мы с ним так решили.

– Неважно. Ты не просто уверена, что я не сумела бы воспитать мальчика и сделать его счастливым, но считаешь, это я его убила.

– Не глупи.

Диана сорвалась на крик:

– Скажешь, не так? Разве не я забыла пристегнуть ремень безопасности? Не я врезалась в ограду?

– Водитель грузовика заснул за рулем. Он сам это признал. Ты ни при чем.

– А как быть со спиртным? У меня взяли тест на содержание алкоголя в крови, так что, не вмешайся Шарль, я могла бы загреметь в кутузку!

– Говори тише.

Диана наклонила голову и пощупала повязку на лбу и висках. Она чувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Голод и усталость сделали свое дело. Даже не простившись с матерью, она направилась к главному входу, но внезапно вернулась и сказала:

– Хочу, чтобы ты кое-что знала.

– Что именно?

Две медсестры прошли мимо, подталкивая каталку. На ней угадывалось чье-то прикрытое пледом тело с подключенной к нему капельницей.

– Все это – твоя вина.

Сибилла скрестила руки на груди.

– Как легко ты меня судишь, – бросила она, принимая вызов дочери.

Диана снова повысила голос:

– Ты никогда не задавалась вопросом: как я оказалась в столь плачевном состоянии? Из-за чего моя жизнь пошла прахом?

– Ну что ты, конечно нет! – с иронией ответила Сибилла. – Я пятнадцать лет наблюдаю, как моя дочь погружается в бездну, и только посмеиваюсь. А на прием ко всем парижским психологам я ее вожу, чтобы соблюсти приличия.

Стараюсь разговорить, пробить кокон молчания – всего лишь для очистки совести. – Она перешла на крик: – Я целую вечность мучительно пытаюсь понять, в чем твоя проблема. Как ты смеешь упрекать меня?

Диана издала горький смешок:

– Все та же соломинка в чужом глазу…

– О чем ты?

– Это камень в твой огород.

Они снова замолчали. В темноте тихо шелестела листва. Сибилла нервно поправляла ладонью волосы.

– Ты слишком далеко зашла, моя дорогая, – жестким тоном произнесла она. – Будь любезна объясниться.

У Дианы закружилась голова. Сейчас ее прошлое наконец-то выплывет на свет божий.

– Я нахожусь в таком состоянии из-за тебя, – выдохнула она. – Из-за твоего эгоизма и полного равнодушия ко всему, что не касается тебя лично…

– Как ты можешь бросаться подобными обвинениями? Я воспитала тебя одна и…

– Я говорю о твоей истинной сущности, а не о той роли, что ты играешь на публике.

– Да что ты знаешь о моей, как ты выразилась, «истинной сущности»?

Диане казалось, что она идет по раскаленной проволоке.

– Я могу доказать свои слова…

Стоп. Сигнал опасности. Голос Сибиллы дрогнул:

– До… доказать? Как доказать?

Диана перевела дыхание и заговорила – медленно, чеканя каждый слог:

– Свадьба Изабель Ибер, июнь восемьдесят третьего. Тогда-то все и случилось.

– Я ничего не понимаю. О чем ты говоришь?

– А ты не помнишь? Ничего удивительного. Мы целый месяц готовились, только о том и говорили, но не успели прийти, как ты куда-то исчезла. Оставила меня одну, в моем дурацком девичьем платье, в дурацких девичьих туфельках, с дурацкими девичьими иллюзиями.

Сибилла выглядела изумленной:

– Я едва помню ту историю…

Внутри у Дианы что-то сломалось. Она почувствовала подступающие к глазам слезы, но справилась с собой:

– Ты бросила меня, мама. Ушла с каким-то мужиком…

– С Шарлем. Мы в тот вечер познакомились. – Сибилла снова повысила голос: – По-твоему, я должна была вечно жертвовать ради тебя своей личной жизнью?

Диана упрямо повторила:

– Ты меня бросила. Просто-напросто бросила!

Мгновение Сибилла пребывала в нерешительности, потом подошла, раскрыв дочери объятия.

– Послушай… – произнесла она совсем другим тоном. – Прости, если я тогда тебя обидела. Я…

Диана резко отпрянула назад:

– Не прикасайся ко мне. Никто не смеет меня трогать.

В это мгновение она поняла, что ни за что на свете не расскажет матери правду, и приказала:

– Забудь все, что я говорила.

Она чувствовала себя твердой как сталь, окруженной силовым защитным полем. Это была единственная польза, которую она извлекла из случившейся с ней трагедии: печаль и страх сублимировались в ледяную ярость и самообладание. Диана кивнула на отделение детской хирургии – окна реанимации слабо светились:

– Если ты сохранила способность плакать, прибереги слезы для него.

Она развернулась на каблуках и пошла прочь. Шелест листвы окутал ее погребальным покровом.

10

Шли дни, проходили ночи.

Диана перестала их считать. Ритм ее жизни отмеряли тревожные сигналы в палате реанимации. За время, прошедшее после их с Сибиллой стычки в парке, Люсьен перенес четыре мидриаза. Четырежды зрачки ребенка расширялись и застывали, предвещая неминуемый конец. В момент каждого кризиса врачи через дренажные трубки откачивали несколько миллилитров спинномозговой жидкости, помогая мозгу выжить. Пока что им удавалось избежать худшего.

Она жила, обратившись в слух, ловя каждое слово докторов, истолковывая каждый взгляд, любую едва заметную модуляцию голоса, и люто ненавидела себя за эту зависимость. Вопросы бились в ее мозгу, терзали, как непрекращающаяся пытка. Диана спала урывками и так устала, что моментами

даже не осознавала, бодрствует она или видит кошмарный сон. Состояние ее здоровья стремительно ухудшалось, но она по-прежнему отказывалась принимать какие бы то ни было лекарства. По сути дела, это умерщвление плоти одурманивало ее, оглушало на манер религиозного транса, позволяя не смотреть в лицо страшной правде: надеяться было не на что. Жизнь в Люсьене поддерживали только бесчувственные приборы и медицинские технологии.

Чтобы оборвать тонкую ниточку, достаточно просто нажать на кнопку.

В тот день, часа в три, Диану подвел ее собственный организм. Она потеряла сознание на лестнице педиатрического отделения и пересчитала спиной целый марш ступеней. Эрик Дагер ввел ей внутривенно глюкозу, после чего приказал поехать домой и поспать.

Вечером, около десяти, Диана вернулась в отделение – закусившая удила, разъяренная, больная, но живая. Ее одолевало смутное предчувствие: ждать осталось недолго. Диане казалось, что каждая деталь подтверждает эту страшную истину. В здании было очень душно. На первом этаже слабо мерцали лампы дневного света. Она поймала взгляд проходившего мимо санитара, и он показался ей уклончивым. Повсюду дурные предзнаменования: смерть совсем близко, дышит ей в спину.

Войдя в холл третьего этажа, Диана увидела Дагера и поняла, что интуиция ее не обманула. Врач направился к ней. Диана замерла на месте:

– Что происходит?

Не отвечая, хирург взял ее за руку и повел к прикрепленным к стене сиденьям:

– Присядьте, прошу вас.

Она рухнула на сиденье и пробормотала помертвевшими губами:

– Что происходит? Он не… не…

Эрик Дагер опустился на корточки, чтобы видеть лицо Дианы.

– Успокойтесь.

Она смотрела на врача – и не видела его. Она вообще ничего не видела, кроме разверзшейся перед ней бездны небытия. Это было не видение, но скорее отсутствие его, она понимала, что всякая перспектива отсутствует. Впервые в жизни Диана зависла во времени, не в силах представить себе следующее мгновение своей жизни. А значит, оно уже принадлежало смерти.

– Посмотрите на меня, Диана.

Она сконцентрировала взгляд на костлявом лице хирурга. Глаза по-прежнему ничего не видели. Разум больше не анализировал воспринимаемую сетчаткой картинку. Врач схватил ее за запястья. Диана не сопротивлялась – у нее не осталось сил на фобии. Эрик проговорил тихим голосом:

– За то время, что вас не было, Люсьен пережил два новых мидриаза. За четыре часа.

Диана окаменела от ужаса. Помолчав минуту, хирург добавил:

– Мне очень жаль.

На этот раз ей удалось увидеть Дагера сквозь застившую глаза пелену гнева.

– Но он ведь пока не умер?

– Вы не понимаете. У Люсьена шесть раз наблюдались симптомы гибели мозга. Он просто не сможет прийти в сознание. Даже если предположить, что произойдет чудо и у Люсьена появятся признаки пробуждения сознания, последствия будут слишком тяжелыми. Мозг мальчика не мог не пострадать, понимаете? Вы ведь не хотите, чтобы ваш сын жил как овощ?

Несколько секунд Диана молча смотрела на Дагера. Красота доктора внезапно потрясла ее. Она спросила срывающимся от гнева голосом:

– Вы хотите, чтобы он умер, да?

Врач встал. Его била дрожь:

– Вы не смеете так со мной говорить, Диана! Только не со мной. Я каждый день и каждую ночь сражаюсь, чтобы вытащить этих детей. Я на стороне жизни. – Он кивнул на стеклянный коридор за своей спиной. – Все мы здесь воюем за жизнь! Не зовите смерть в наши ряды.

Диана откинула голову назад и закрыла глаза. Ударилась затылком об стену. Раз, другой, третий. Ей было жарко, она задыхалась. Белый электрический свет обжигал глаза сквозь веки. Диана чувствовала, что ее тело рассыпается, превращается в страшную черную дыру, хороня под обломками рассудок.

И все-таки ей удалось сделать над собой последнее усилие и подняться. Ничего не сказав Эрику, она схватила сумку и ринулась к реанимационному блоку.

Здесь спасают маленькие неподвижные тела.

Через застекленную дверь Диана увидела, что ни врачей, ни сестер поблизости нет, и проскользнула в палату Люсьена.

Она сорвала с себя очки, упала на колени, уткнулась лицом в изножье кровати и разрыдалась. Горькие, безутешные слезы полились из ее глаз впервые со дня аварии. Ее мышцы, ее нервы наконец расслабились. Диана вздрагивала от рыданий, физически задыхалась от горя, но чувствовала облегчение, даже глухую радость: в сердце распускался ядовитый цветок, предвещая последнее упокоение.

Она знала, что не переживет смерти Люсьена. Этот ребенок был ее последним шансом. Если его не станет, Диана не будет цепляться за жизнь. Сойдет с ума. Умрет.

Внезапно она почувствовала чье-то присутствие и начала вглядываться в темноту мокрыми от слез глазами. Без очков Диана ничего не видела, но была уверена: там кто-то прячется.

Незнакомый голос мягко произнес:

– Я могу кое-что для вас сделать.

11

Диана вытерла глаза рукавом и надела очки. В нескольких метрах от нее кто-то стоял. Она поняла, что незнакомец уже находился в палате, когда она вошла. Диана постаралась взять себя в руки.

Мужчина подошел ближе. Это был настоящий великан, под два метра ростом, в белом халате. Толстую шею венчала крупная голова с седой шевелюрой. Слабый свет из коридора на какой-то миг упал ему на лицо. Оно было багровым, черты расплылись, как у древней статуи, ресницы длинные и загнутые. От него исходило благодушие. Мужчина повторил:

– Я могу кое-что сделать. – Он повернулся к кровати, на которой лежал Люсьен. – Для него.

Голос прозвучал очень мягко и спокойно. Диана расслышала легкий акцент и несколько секунд пыталась справиться с удивлением. Она заметила бейджик с фамилией.

– Вы… вы работаете в больнице?

Мужчина сделал к ней еще один шаг. Несмотря на свою массивность, двигался он совершенно бесшумно.

– Меня зовут Рольф фон Кейн. Я главный анестезиолог берлинской детской больницы «Шарите». Мы с доктором Дагером руководим французско-немецкой исследовательской программой.

Его французский был тягучим и гладким, как обкатанный морем чертов палец. Диана поднялась, придвинула к себе единственный стул и присела на краешек, бросив взгляд в приоткрытую дверь. В коридоре ни души.

– Что… что вы здесь делаете? – спросила она. – Что вы делаете в этой палате?

Немец ответил не сразу. Диане показалось, что он раздумывает, взвешивает каждое слово:

– Сегодня вечером врачи сообщили, что в состоянии вашего сына произошли изменения. Я видел результаты обследований. – Он сделал паузу: – Полагаю, вас предупредили… С точки зрения западной медицины надежды больше нет.

– Западной медицины?

Диана сразу пожалела о заданном вопросе. Слишком уж стремительно она заглотнула наживку. Немец продолжил:

– Мы можем попробовать другую технику.

– Какую именно?

– Акупунктуру.

– Убирайтесь, – сквозь зубы прошипела Диана. – Я не настолько легковерна. Черт, лучше уйдите сами, пока я вас не вышвырнула.

Анестезиолог стоял неподвижно, выделяясь на фоне стеклянной перегородки, как дольменный камень.

– Я в трудном положении, мадам, – едва слышно произнес он. – У меня нет времени на убеждения. Но у вашего сына времени осталось еще меньше…

Диана уловила в голосе странного немца неподдельное волнение.

Она была потрясена: этот человек первым, без малейшей запинки, без тени снисходительности, назвал Люсьена ее сыном.

– Вы знаете, от чего страдает ваш сын, так ведь?

Диана опустила голову.

– От притоков крови, которые… – помертвевшим голосом произнесла она.

– …перекрывают доступ кислорода в мозг. Все верно. Но что провоцирует приток крови?

– Это следствие удара. Мы попали в аварию. Все дело в гематоме…

– Верно. Но какова глубинная причина? Что за механизм управляет током крови? Какая сила выбрасывает гемоглобин в направлении мозга?

Диана не ответила. Фон Кейн наклонился к ней:

– А что, если я скажу вам, что могу воздействовать на сам этот ток? Что способен уменьшить давление?

Диана решила положить конец этой муке.

– Послушайте… – Она из последних сил старалась сохранять спокойствие. – Вами наверняка движут добрые намерения, но моего сына в этой больнице лечили лучшие врачи. И я не знаю, что еще…

– Эрик Дагер занимается механическими функциями человеческого организма. Я же могу воздействовать на энергию, питающую эти механизмы, и ослабить давление силы, качающей кровь вашего сына и постепенно его убивающей.

– Что за небылицы вы плетете…

– Да выслушайте же меня!

Крик анестезиолога заставил Диану вздрогнуть. Она бросила взгляд в коридор: никого. Этаж никогда еще не выглядел таким пустынным и тихим. Внезапно ее охватил смутный страх. Немец продолжил, понизив голос:

– Когда вы смотрите на реку, то видите воду, пену, водоросли в волнах, но главное остается скрытым от ваших глаз: течение, движение, жизнь водного потока… Кто возьмет на себя смелость утверждать, что человеческое тело функционирует иначе? Кто решится отрицать, что сложной системой

кровообращения, сердечной деятельностью и химическими реакциями управляет один-единственный ток: жизненная энергия?

Диана качала головой, не находя в себе сил согласиться с его доводами. Он приблизился к ней почти вплотную, и их диалог обрел исповедальную тональность.

– У всех рек есть начало – невидимые взгляду подземные источники. Человеческая жизнь тоже имеет свои тайные истоки, свои горизонты грунтовых вод. Современная наука ничего не знает о глубинной географии нашего тела.

Диана сидела неподвижно, отодвинувшись в тень. Фон Кейн не мог знать, что она уже слышала рассуждения о жизненной энергии чи, инь, ян и других благоглупостях от учителей, наставлявших ее в искусстве борьбы Вин-Чун! Но она не приняла новую веру, полагая, что ее собственные победы на татами опровергают их теории: чемпионкой по шаолиньскому боксу можно стать и без этого. Голос немца проникал в ее сознание:

– Акупунктура – часть традиционной китайской медицины. Ей много тысяч лет, и в основе ее не слепые верования, а результаты и опыт. Это самая эмпирическая медицина на свете, ведь никто так и не сумел объяснить, как и почему она действует. Акупунктура воздействует непосредственно на сети нашего жизненного источника, мы называем их меридианами. Умоляю вас, мадам, доверьтесь мне: я могу снять отек мозга, убивающий вашего сына, умерив приток крови!

Диана взглянула на тело Люсьена. Ее маленький мальчик был укутан в бинты, загипсован и подсоединен проводами к враждебной в своей сложности аппаратуре, больше всего напоминавшей саркофаг. А фон Кейн продолжал нашептывать:

– Время поджимает! Если не доверяете мне, поверьте в возможности человеческого организма. – Он выпрямился и повернулся к Люсьену. – Дайте ему все, что можете. Кто знает, как он отреагирует?

Диана запустила пальцы во влажные от пота волосы. Все ее жизненные ориентиры и выстроенные в четкую систему знания разлетались в прах у нее в голове, как хрустальные бокалы под действием коварной звуковой волны.

Когда в палате раздался какой-то глухой скрежет, Диана даже не сразу поняла, что так звучит ее собственный голос:

– Действуйте, черт бы вас побрал! Пробуйте. Верните его к жизни!

12

Когда раздался первый звонок, Диана поняла, что спит и видит сон. Ей снился немецкий врач. Он откидывал простыни, снимал с Люсьена бинты. Убирал провода, отключал электроды, вынимал руку из налокотника. Мальчик лежал на кровати совершенно обнаженный. С западной медициной его связывали лишь повязка на голове да капельница.

После второго звонка она проснулась.

Когда электронная трель стихла, ее сознание прояснилось. Сон не был сном. Во всяком случае, он был основан на реальных событиях. Она как наяву видела мысленным взором силуэт фон Кейна, который ощупывал, массировал, поглаживал тело Люсьена. Его лицо было напряженно-внимательным. В то мгновение Диане показалось, что врач «читает» ее сына. Он расшифровывал его, как будто знал код, неведомый другим врачам. Они словно вели беззвучный диалог – великан с белоснежной гривой и пребывающий в коме маленький мальчик, полумертвый, но все еще способный поведать какой-то секрет посвященному.

Фон Кейн достал иголки и рассыпал их по телу Люсьена. По мере того как он втыкал их в торс, руки и ноги ребенка, точки на коже как будто загорались, напитываясь зеленым светом от монитора наблюдения, венчавшего творившееся в палате странное действо. Диана была потрясена видом этого хрупкого, белого как мел тела, утыканного иголками, которые блестели в стеклянном полумраке будто светлячки…

Третий звонок.

Диана начала различать репродукции на стенах спальни: квадратные пастели Пауля Клее и яркие симметрии Пита Мондриана. Она взглянула на ночной столик. Будильник показывал 3.44 утра. Диана больше не сомневалась: пять часов назад таинственный врач провел ее сыну сеанс иглоукалывания. А на прощание просто сказал: «Мы прошли первый этап. Я вернусь. Этот ребенок должен жить, понимаете?»

Четвертый звонок.

Диана нащупала трубку и ответила:

– Да…

– Госпожа Тиберж?

Она узнала голос сестры Феррер:

– Профессор Дагер попросил меня предупредить вас…

Она говорила профессионально спокойным тоном, но Диана уловила в голосе колебание и простонала в трубку:

– Все кончено, да?

После недолгой паузы медсестра ответила:

– Напротив, мадам. Появились благоприятные признаки.

Диана почувствовала, как ее душу заливает невыразимая любовь.

– Признаки выхода из комы, – уточнила ее собеседница.

– Когда?

– Около трех часов назад. Я заметила, как шевельнулись пальцы малыша, и вызвала дежурных интернов. Они осмотрели Люсьена и пришли к единодушному

мнению: Люсьен приходит в себя. Мы позвонили профессору Дагеру. Он сказал, чтобы я сообщила вам новость.

– Вы предупредили доктора фон Кейна?

– Кого?

– Рольфа фон Кейна. Немецкого врача, он работает с Дагером.

– Не понимаю, о ком вы говорите.

– Неважно. Я сейчас приеду.

Атмосфера в палате Люсьена напоминала погребальное бдение наоборот. Люди вокруг его постели говорили тихими голосами, но в их шепоте звучала радость. Свет был приглушен, но лица пяти врачей и трех медсестер сияли. Все медики были без масок, а интерны впопыхах едва не забыли набросить халаты.

А вот Диана была разочарована. Ее сын по-прежнему неподвижно лежал на кровати. Пережитые события так взбудоражили ее, что она была почти готова увидеть мальчика сидящим и с открытыми глазами. Но врачи успокоили молодую женщину. Они не стали скрывать, что полны надежд и энтузиазма.

Диана смотрела на сына и думала о таинственном великане. Она заметила свежие бинты, налокотник, электроды и датчики. Никто бы не заподозрил, что немец обнажал тело мальчика и вел с ним молчаливый диалог. Диана вспомнила, как подрагивали зеленые точки на экране в такт легкому дыханию Люсьена, когда сильные пальцы фон Кейна вкручивали иголки в тело.

– Я должна его увидеть, – сказала она.

– Кого?

– Анестезиолога из Берлина, который с вами работает.

Врачи удивленно переглянулись, в палате повисло неловкое молчание. Один из докторов подошел к Диане.

– Профессор Дагер хотел бы с вами поговорить, – с улыбкой шепнул он.

– Хочу еще раз предостеречь вас, Диана: не питайте ложных надежд! Даже если Люсьен полностью выйдет из комы, повреждения мозга могут оказаться необратимыми.

Белый кабинет хирурга купался в свете. Даже тени здесь казались более светлыми и воздушными. Диана сидела за столом напротив Дагера.

– Случилось чудо, великое чудо, – возразила она.

Дагер нервно крутил в пальцах карандаш.

– Диана, я очень рад за вашего мальчика, – наконец сказал он. – Вы правы: то, что происходит, просто… невероятно. Но преждевременная радость неуместна! Когда Люсьен окончательно придет в себя, могут обнаружиться другие серьезные повреждения. И у нас нет стопроцентной уверенности, что сознание вернется.

– Чудо. Фон Кейн спас Люсьена.

Дагер вздохнул:

– Расскажите мне об этом человеке. Что именно он вам сообщил?

– Что приехал из Берлина и работает здесь, с вами.

– Никогда о таком не слышал. – Хирург начал нервничать. – Как медсестры позволили этому бесноватому пройти в реанимацию?

– Я не видела в отделении ни одной сестры.

Дагер едва сдерживал раздражение и все чаще стучал ластиком по столу.

– Расскажите, что он делал с Люсьеном. Это было классическое иглоукалывание?

– Не знаю: я впервые присутствовала при подобной процедуре. Он снял бинты и поставил иголки в разные части тела.

Хирург не удержался от смешка. Диана уставилась на него в упор:

– Зря смеетесь. Повторяю: этот человек спас моего ребенка.

Улыбка исчезла с лица Дагера.

– Диана, вы знаете, чем я занимаюсь. – Он говорил с ней спокойно и чуточку сердито, как будто увещевал ребенка. – В мире вряд ли наберется дюжина специалистов, разбирающихся в нейробиологии мозга лучше меня.

– Я не ставлю под сомнение ни вашу квалификацию, ни ваш опыт, доктор.

– Вот что я вам скажу, Диана: человеческий мозг – сложнейшая система. Знаете, сколько в нем нервных клеток? – Он продолжил, не дожидаясь ответа: – Сто миллиардов. И несметное число нервных окончаний. Если машина снова заработала, значит, так было суждено. Организм вашего ребенка сам себя запустил, понимаете?

– Теперь легко так говорить.

– Вы забываете – это я оперировал вашего сына.

– Извините меня.

Диана сделала паузу, потом продолжила смягчившимся тоном:

– Прошу вас, не сердитесь на меня. Но я и правда уверена, что этот врач помог Люсьену.

Дагер перестал наконец терзать карандаш, сцепил пальцы в замок и заговорил, стараясь попасть в тональность собеседницы:

– Знаете, Диана, я вовсе не косный болван. Я даже практиковал во Вьетнаме.

Он улыбнулся – но не ей, а каким-то своим мыслям, тому, что было с ним в прошлом, прежним мечтам.

– Сдав на интерна, я работал в «Корпусе мира». Изучал акупунктуру. Знаете, на чем основывается эта техника? Вам известно, что представляют собой пресловутые точки, на которые нужно воздействовать?

– Тот человек говорил мне о меридианах…

– А он объяснил, чему эти самые меридианы соответствуют физически?

Она промолчала, пытаясь вспомнить слова немца. Дагер ответил за нее:

– Ничему. Физиологически никаких меридианов не существует. Анализы, рентгеновские исследования, сканирование – ученые все испробовали, чтобы их обнаружить. Акупунктурные точки даже не соответствуют особым зонам на коже, как утверждают адепты этой методики. В свете современных физиологических знаний иглоукалыватель втыкает свои иголки наобум. Все это пшик. Липа.

Диана вспомнила слова фон Кейна и перебила Дагера:

– Немецкий доктор говорил, что по телу человека циркулирует жизненная энергия и…

– …и до нее можно добраться вот так просто, – он щелкнул пальцами, – через кожу? И только китайской медицине ведома география волшебной сети? Это просто смешно!

В дверь кабинета постучали. Вошла запыхавшаяся сестра Феррер.

– Доктор, мы нашли человека, который прошлой ночью проник в отделение, – сообщила она.

Лицо Дианы просияло. Она резко обернулась и воскликнула:

– Вы сообщили ему о Люсьене? Что он сказал?

Сестра проигнорировала вопрос:

– У нас проблема, доктор.

Хирург снова схватил многострадальный карандаш, принялся крутить его вокруг указательного пальца, как жезл тамбурмажора, и попытался пошутить:

– Всего одна? Вы уверены?

Сестра даже не улыбнулась в ответ.

– Доктор, этот человек мертв.

13

Диана маялась ожиданием на третьем этаже корпуса Лавуазье. Судя по табличкам, она находилась в служебных коридорах отделения генетических исследований. Зачем ее сюда привели? При чем тут генетика? Тайна, покрытая мраком. Диана стояла у стены, опираясь на скрещенные руки. Ее раздирали противоречивые чувства: она ликовала, потому что Люсьену стало лучше, но была потрясена известием о гибели фон Кейна. Уже полшестого утра, а ей все еще никто ничего не объяснил. Не дал никакой информации об обстоятельствах смерти врача. Не сказал ни единого слова о том, как обнаружили тело.

– Диана Тиберж?

Она обернулась на голос. Направлявшийся к ней человек напоминал вчерашнего немецкого великана – определенно выше метра восьмидесяти пяти. Приятно, когда тебя окружают люди твоего роста… Незнакомец представился:

– Патрик Ланглуа, лейтенант полиции.

Ему было на вид лет сорок. Лицо сухое, потрепанное, небритое. Одет во все черное – пальто, пиджак, свитер под горло, джинсы. Седеющие всклокоченные волосы и трехдневная щетина напоминают железную стружку. Красные веки. Портрет в холодных тонах. Как на картине Мондриана: черно-серо-красная гамма – гибкий поджарый силуэт и лукавая улыбка.

Он добавил:

– Уголовный розыск.

Диана вздрогнула. Полицейский успокаивающе поднял руку:

– Без паники. Я тут по ошибке.

Диана хотела промолчать, показать, что контролирует ситуацию, но не удержалась и спросила:

– Что значит «по ошибке»?

– Выслушайте меня. – Он молитвенным жестом соединил ладони. – Давайте разберемся во всем по порядку, не возражаете? Для начала объясните, что именно произошло сегодня ночью.

В нескольких коротких точных фразах Диана изложила события последних часов. Сыщик достал из кармана простой блокнот и начал записывать ответы, слегка высунув язык, что совершенно не вязалось с его угловатым лицом. Диане мимика Ланглуа показалась нарочитой, даже пародийной, но он убрал язык, как только закончил писать.

– Очень странно, – провозгласил он и, даже не убрав блокнот в карман, изобразил ладонями чаши воображаемых весов. – С одной стороны,

воскресающая жизнь, с другой – стремительная, как удар молнии, смерть…

Диана бросила на него изумленный взгляд. В ответ полицейский улыбнулся ей так ослепительно, словно не мог сдержать радость:

– Наверное, мне следует воздержаться от высокопарных фраз…

– В разговоре со мной уж точно.

Ланглуа пожал плечами:

– Ладно. Тогда скажем так: я очень рад за вашего мальчика.

– Как обнаружили фон Кейна?

Ей показалось, что Ланглуа колеблется. Он взъерошил и без того взлохмаченные волосы, оглядел коридор и двинулся к лифту, бросив через плечо:

– Пойдемте со мной.

Они вышли в предрассветную свежесть, обогнули здание и направились к следующему корпусу. Больничный городок просыпался после ночи. Диана заметила стоявшие в центральном проезде грузовики, из которых выгружали огромные тележки с запечатанными в фольгу готовыми обедами. Она бы никогда не подумала, что больница заказывает еду на стороне.

Лейтенант вел ее к зданию, где свет горел только в окнах цокольного этажа. У главного входа стояли полицейские в форме. Пахло здесь не химией, а едой.

– Больничные кухни, – пояснил сыщик.

Он кивнул на приоткрытую дверь и вошел. Диана последовала за ним. Они спустились по узкой лестнице и попали в просторное полуподвальное помещение с покрашенными в голубой цвет стенами. В пустом помещении были установлены кондиционеры. Полицейский вел Диану за собой, объясняя на ходу:

– Вот что мы можем предположить на данный момент. Около половины двенадцатого человек, называвший себя фон Кейном, проводил вас до дверей нейрохирургического отделения, после чего вернулся назад, прошел через двор и проник на кухню. Так поздно здесь мало кто бывает. Его никто не заметил.

Ланглуа размашистым жестом отодвинул пластиковую штору-жалюзи.

– Он проходит через это помещение…

Цементные стены оранжевого цвета. Большие плиты с огромными серебристыми вытяжками. Ланглуа отодвинул следующий полог.

– …и попадает в зал холодильных камер.

Они добрались до зеленого коридора, куда выходили металлические двери. Стало намного холоднее. Неоновые лампы на потолке напоминали горизонтальные сталактиты. Все это пустынное, выкрашенное в яркие цвета помещение наводило на мысль о наборе гигантских кубиков.

Сыщик остановился у сдвигающейся в сторону перегородки с табличкой «4-я степень». У дверей стояли на часах двое полицейских в форменных куртках и заиндевевших кепи. Замешательство Дианы усилилось. Ланглуа сорвал с металлической двери желтую ленту, вынул из кармана ключ и вставил в замок.

– Фон Кейн хотел попасть в эту холодильную камеру.

– А… у него был ключ?

– Такой же, как этот. Наверняка украл из кабинета администратора.

Диана была совершенно ошарашена. А ведь она еще не задала главного вопроса: как погиб этот человек? Сыщик повернул ключ и, прежде чем открыть, прислонился к двери спиной и сказал:

– Должен вас предупредить: зрелище впечатляющее. Но это не кровь.

– Что вы имеете в виду?

Лейтенант ухватился за ручку, напрягся и сдвинул дверь в сторону. В лицо им кинулся морозный воздух. Ланглуа повторил:

– Так помните: это – не кровь.

Он жестом пригласил ее следовать за собой. Диана сделала всего один шаг и остановилась как вкопанная. Белая цементная стена перед серыми пластиковыми баками была опрыскана чем-то красным, усеяна липкими алыми крошками и пунцовыми полосками. Цементный пол до самого порога покрывали какие-то бурые сгустки. Диане показалось, что в этой квадратной двадцатипятиметровой комнате, заставленной пластмассовыми ящиками, произошло настоящее побоище. Но самым удивительным – и омерзительным – был витавший в холодном воздухе резкий фруктовый запах.

Патрик Ланглуа схватил стоявшую на верху штабеля упакованную в целлофан коробку и протянул ее Диане.

– Брусника. – Он сделал вид, будто читает надпись на этикетке. – Красные ягоды. Импорт. Проведя сеанс иглоукалывания вашему сыну, Кейн явился сюда, чтобы устроить ягодную оргию.

Диана прошла внутрь, убеждая себя, что дрожит от холода.

– Что это… Что все это значит?

Сыщик обескураженно улыбнулся:

– Только то, что я сказал. Рольф фон Кейн не поспешил убраться из больницы – он отправился лопать бруснику. – Ланглуа обвел взглядом помещение. – Я бы даже сказал, не лопать, а пожирать.

– Но… от чего он умер? – пролепетала Диана.

Ланглуа бросил коробку на один из поддонов.

– Думаю, от несварения.

Он взглянул на собеседницу и продолжил:

– Извините, глупая шутка. Честно говоря, мы пока не знаем, из-за чего он скончался. Но это была, несомненно, естественная смерть. По крайней мере, я называю такую смерть естественной. Первичный осмотр не выявил ни ран, ни повреждений. Возможно, фон Кейн умер от сердечного приступа, аневризмы аорты или какой-то другой болезни.

Ланглуа кивнул на приоткрытую дверь. В воздухе повисла гнетущая тишина.

– Теперь вы понимаете, почему кухню поставили на карантин. Труп – возможно, заразный – в самом центре помещения, где готовят для больных детей. Придя сюда умирать, наш немец подложил больнице ту еще свинью.

Диана прислонилась к одному из баков. От запаха фруктов и сахара у нее кружилась голова.

– Давайте уйдем отсюда, – едва слышно попросила она. – Я… я больше не могу здесь находиться…

Утренний ветерок освежил Диану, но заговорить она смогла только через несколько минут:

– Зачем вы мне все это рассказываете?

Ланглуа удивленно вздернул брови:

– Как – зачем? Да ведь история крутится вокруг вас! За неимением убийства у нас остается незаконная медицинская практика, незаконное проникновение в больницу, присвоение – почти наверняка! – чужого имени… – Он поднял вверх указательный палец. – Вы – пострадавшая сторона.

У Дианы отлегло от сердца. Собравшись с силами, она заявила:

– Вы ничего не поняли, лейтенант. Этот человек – кем бы он ни был, чем бы ни руководствовался – спас жизнь моему сыну. А значит, и мне. Плевать, как он это сделал. Сейчас я горюю лишь о том, что не могу его поблагодарить, ясно? Не

думаю, что ваше расследование способно что-то изменить.

Ланглуа устало отмахнулся:

– Вы прекрасно меня поняли. В этом деле много загадок. Полагаю, история только начинает раскручиваться. Кстати, я…

Резко взвизгнул пейджер. Лейтенант отстегнул от пояса крохотный приборчик, прочел сообщение, протянул его Диане и тихо спросил:

– Ну, что я вам говорил?

14

Диана знала, что эти события реальны, но из последних сил пыталась не поверить, отгородиться от них, чтобы не проникнуться безумием случившегося. Потом, позже, она приведет свои мысли в порядок. Попытается обнаружить логику в том, что произошло. А пока она воспринимала любой факт, каждую крупицу информации с отстранением и бессилием человека, погруженного в кошмарный сон.

Ланглуа снова повел ее в корпус Лавуазье. На этот раз они остались на первом этаже. Диана сразу узнала кабинет компьютерной томографии, здесь Люсьену делали сканирование.

В дверях Диана на мгновение замешкалась, боясь душераздирающих воспоминаний. Но инспектор слегка подтолкнул ее в спину и закрыл за собой дверь. Страхи Дианы не подтвердились по той простой причине, что атмосфера в помещении стала совсем иной.

Во всех углах царило необычное оживление. Двое парней в куртках сидели перед консолью с мониторами и негатоскопами. Их пальцы с невероятной скоростью летали по клавиатуре, вызывая на экране цветные изображения. За стеклом, в отсеке с приглушенным светом, стоял сканер, вокруг него суетились люди. Кто-то разбирался со змеившимися по полу кабелями, другие отключали

мониторы, перенастраивали странного вида оптику и объективы. Диана поняла: они ликвидируют следы своей работы и даже присутствия в больнице Неккера.

Ни на одном из них не было белого халата, зато у большинства в кобуре за поясом висел автоматический пистолет.

Полицейские.

Она поняла, почему ее заставили ждать на третьем этаже: сыщики устроили тут свою штаб-квартиру, позаимствовав на несколько часов медицинскую технику и сделанные врачами снимки.

– Вы знаете, что такое палеопатология? – задал неожиданный вопрос Ланглуа.

Диана повернулась к лейтенанту.

– Это техника, используемая в археологии, – устало ответила она. – Мумию или найденные при раскопках органические останки помещают в сканер или другой аппарат, чтобы проанализировать, не разрушая. Ученые получили возможность производить виртуальное «вскрытие» людей, усопших тысячи лет назад.

Ланглуа улыбнулся:

– Вы потрясающая женщина!

– Я ученый. Читаю специализированные журналы. Но я не понимаю, какое отношение…

– Среди наших судебных медиков есть ас в этой области. Маленький гений, способный прозондировать мумию, не размотав ни единой ленточки.

Диана с ужасом взглянула за стекло. Внутри машины, под простыней, лежало тело. Она прошептала, не сводя глаз с савана:

– Неужели вы просканировали тело…

– Материал был у нас под рукой. – Полицейский улыбнулся. – Мы получили его, с позволения сказать, «не отходя от кассы».

– Вы сумасшедший.

– Вовсе нет, просто время поджимает. Благодаря этой машине мы провели виртуальное вскрытие фон Кейна. Теперь отдадим тело судебным медикам. Нетронутым.

– Странный вы сыщик, Ланглуа.

Он собирался ответить, но тут распахнулась дверь, за их спиной чей-то голос произнес:

– Мы сели в лужу.

Лейтенант резко обернулся к молодому кудрявому блондину с серым лицом и потухшим взглядом – больше всего он напоминал сигарный окурок. Тот повторил:

– Мы оплошали, Ланглуа.

– В чем именно?

– Это убийство. Из ряда вон выходящее.

Сыщик искоса взглянул на Диану. Она угадала его мысли и отчеканила:

– Вы сами захотели повсюду таскать меня за собой. Так будьте последовательны. Я отсюда не уйду.

Впервые за все время их общения сыщик напрягся, но мгновенно взял себя в руки и потер ладонями лицо, как будто возвращал на лицо лукавую маску.

– Вы правы. – Он обернулся к патологоанатому. – Объясни, в чем дело.

– Когда мы начали снимать торс, то ожидали увидеть признаки некроза. Переизбыток сердечных энзимов или другие признаки инфаркта.

– Кончай трепаться. Что ты нашел?

Диане показалось, что медик расстроился. Его лицо приняло упрямое, даже жесткое выражение, он несколько раз быстро моргнул, после чего выдал сенсацию:

– У этого парня взорвалось сердце. Там собралось столько крови, что ткани просто не выдержали.

– Черт побери! – рявкнул Ланглуа, проявив свою истинную сущность охотника. – Ты же говорил, что на теле нет никаких ран!

Доктор опустил голову, улыбнувшись, как поймавший мышку кот.

– А их и нет. Все произошло внутри. Внутри тела. – Он кивнул на компьютер. – Ты должен посмотреть картинки.

– Скройтесь! ВСЕ! – приказал, не глядя на остальных сотрудников, лейтенант.

Кабинет опустел.

Патологоанатом включил компьютер и протянул Диане и Ланглуа очки из тонированного пластика:

– Наденьте: программа трехмерная.

Диана водрузила очки поверх своих собственных и увидела на главном экране жутковатую картинку.

Это было объемное изображение обнаженного, совершенно лишенного растительности торса Рольфа фон Кейна, «разрезанного» на уровне пупка. Врач сел к монитору и начал объяснения:

– Это трехмерное изображение жертвы.

Бюст вращался вокруг собственной оси, потом возвращался в начальное положение, как в рамках машинной графики.

– Итак, повторюсь: сначала мы сосредоточили все наше внимание на сердце. За сорок секунд благодаря томографу удалось воссоздать…

– Ладно, ладно. Ближе к делу.

Доктор нажал на несколько клавиш:

– Вот что мы обнаружили…

Пронумерованные сегменты плоти начали последовательно исчезать с монитора. На их месте проявились сначала артерии, а следом за ними – срез органов и жил, скрученных в тугой красно-синий узел. Этот омерзительный «натюрморт» безостановочно вращался, напоминая адскую карусель. Диана чувствовала отвращение, но не могла оторвать взгляд от завораживающей картинки.

Уже через секунду она поняла, что хотел показать им врач: сердце превратилось в сгусток крови и плоти. Оно выглядело черной кляксой в обрамлении легочных вен и альвеол.

– Я могу его выделить, – сказал судмедэксперт, пробежался пальцами по клавиатуре, и на экране осталось только пунцовое сердце. Оно напоминало коралловый риф с коричневатыми, обломанными в нескольких местах веточками. Кустик, символизирующий чистое насилие.

– Как с ним сотворили подобное? – хрипло спросил Ланглуа.

– С точки зрения физиологии это довольно просто. – Голос эксперта звучал теперь совсем иначе – холодно и отстраненно, как будто просто анализировал вслух ситуацию. – Достаточно сложить аорту, чтобы помешать сердцу выталкивать кровь: так бывает, когда засоряется поливальный шланг. В этом случае кровь, поступающая из полых и легочных вен, перенасыщает сердце и

закупоривает его.

Врач вернул на экран изображение других органов и кровеносных сосудов.

– В этом месте четко видна деформация. – Он кликнул мышкой. – И здесь.

– Но каким образом можно добраться до этой артерии изнутри? – Ланглуа не верил своим глазам.

Доктор замолчал, скрестив на груди руки, и повернулся, как будто хотел перебороть подступавшие тошноту и страх.

– Это самое странное: чтобы добраться до аорты, убийца запустил руку во внутренности жертвы.

Он крутанулся на стуле к монитору и задал новую команду. Торс фон Кейна восстановился на экране, внутренности скрылись под серой блестящей плотью. Картинка сфокусировалась на грудной кости, прямо над брюшной полостью, и они увидели разрез.

– Вот рана, – продолжил комментировать патологоанатом. – Разрез такой тонкий, что при внешнем осмотре мы не заметили его среди волос.

– Через него убийца и запустил руку внутрь?

– Никаких сомнений. Ширина раны не более десяти сантиметров. Учитывая эластичность кожи, этого вполне достаточно. При условии, если человек невысокий. В районе метра шестидесяти.

– Но фон Кейн настоящий колосс!

– Значит, убийц было несколько. Или жертву накачали наркотиками. Почем мне знать…

Патрик Ланглуа наклонился к экрану и спросил:

– Как вы полагаете, человек был жив во время эвантрации?[2 - Выпадение внутренностей.]

– Не просто жив, но и в сознании. Это доказывает взорвавшееся сердце. Когда изверг шарил у него внутри, сердце забилось, как обезумевший от боли зверь в капкане, и включило механизм всасывания. Насыщение кровью произошло почти мгновенно.

– Я понимал, что у нас проблема, но к такому готов не был… – пробормотал лейтенант.

В этот момент сыщик и врач вспомнили о молодой женщине и синхронно обернулись.

– Мне очень жаль, Диана, – сказал Ланглуа. – Мы увлеклись и… Диана? С вами все в порядке?

Диана, так и не снявшая темных очков, с ужасом смотрела на экран монитора.

– Мой сын… – наконец произнесла она бесцветным голосом. – Я хочу видеть сына.

15

Диана знала эти сады как свои пять пальцев. Ребенком она каждый вечер играла у фонтана, от которого в разные стороны расходились зеленые аллеи. Особой ностальгии она по этому месту не испытывала, но оно вносило умиротворение в ее душу.

Чудо произошло сорок восемь часов назад. Все говорило о том, что Люсьен пошел на поправку. Вчера он несколько раз шевелил указательным и большим пальцами правой руки. Диана готова была поклясться, что своими глазами видела, как поднялось и опустилось правое запястье сына. Анализы и обследования подтвердили, что отек мозга уменьшается. Физиологические функции приходят в норму. Даже доктор Дагер готов был признать, что ребенок

действительно выходит из комы, и собирался в ближайшие дни вынуть дренажные трубки.

По логике вещей, Диана должна была просто умирать от счастья. Но она не могла не думать о совершенном с непостижимой, чудовищной жестокостью убийстве: то, что она увидела на экране сканера, день и ночь стояло перед глазами. Откуда такое зверство? Почему человек, спасший ее сына, несколько часов спустя умер такой страшной смертью?

– Я могу присесть?

Диана подняла глаза: перед ней стоял лейтенант Ланглуа. Выглядел он точь-в-точь как накануне: черное пальто, черные джинсы, черная майка. Она была почти уверена: в шкафу у полицейского висит несколько таких, с позволения сказать, комплектов. Да и «скелетов» там наверняка предостаточно. И пахло от инспектора не одеколоном, а свежевыглаженной одеждой.

Диана поднялась со скамейки:

– Давайте лучше пройдемся, не возражаете?

Сыщик кивнул. Диана направилась в сторону верхних садов. Газон разделялся на три отлогие аллеи. Ланглуа произнес жизнерадостным тоном:

– Как хорошо, что вы назначили встречу именно здесь.

– Люблю это место. Я живу совсем рядом.

Они поднялись по каменным ступеням. День выдался ненастный, и людей на тропинках было совсем мало. Дул прохладный ветер, и деревья жеманно шелестели листвой, как женщины, подхватывающие юбки над вентиляционными решетками в метро. Инспектор сделал глубокий вдох и объявил:

– Не думал, что когда-нибудь на это решусь.

– На что именно?

– Подгрести к сидящей на скамейке Люксембургского сада красивой девушке.

– Ого! – присвистнула Диана. Она была польщена и смущена одновременно.

Казалось, что все страхи, все тревоги куда-то улетучились. Но Диана с некоторым отвращением к себе и своему спутнику подумала о неистребимом эгоизме живых по отношению к усопшим. В это мгновение гладкие листочки, свежесть ветра, доносившиеся издалека детские крики составляли единственную подлинную реальность, и даже воспоминание о фон Кейне не могло испортить прелести момента. Лейтенант начал рассказывать:

– Когда я стажировался в инспекторской школе, меня как магнитом тянуло в Сорбонну, послушать лекции на филфаке. Вечером я приходил сюда, в Люксембургский сад. В те времена мне казалось, что я избежал природного катаклизма – не стал безработным. Но меня настигла другая, куда более страшная, катастрофа.

– Какая именно?

Он развел руками:

– Полное безразличие парижанок. Я гулял по парку, смотрел, как они сидят на железных стульчиках, читают, изображая гордую неприступность, и думал: «Как же тебе, братец, с ними заговорить? К таким подойти – и то непросто!»

Губы Дианы дрогнули в едва заметной улыбке:

– Нашли ответ?

– Увы…

Она наклонила голову к плечу и произнесла доверительным тоном:

– Сегодня проблема решается просто: на крайний случай можно козырнуть удостоверением.

– Что да, то да. А еще лучше – заявиться сюда с командой и всех повязать.

Диана расхохоталась. Они шли к воротам, выходящим на улицу Огюста Конта. Дальше сад суживался, посетителей здесь было гораздо меньше. Ланглуа спросил:

– Как дела у Люсьена?

– Ему и правда лучше. Пульс в руках и ногах хорошего наполнения.

– Невероятно!

Диана не позволила ему продолжить:

– Жизнь. Смерть. Вы мне это уже говорили.

Ланглуа усмехнулся. Вид у него при этом был ужасно хитрый и по-детски обаятельный. Сыщик посерьезнел:

– Я хотел сообщить вам новости. Мы установили личность таинственного доктора. Фон Кейн – его настоящее имя.

Диана спросила, постаравшись скрыть нетерпение:

– Так кем же он был?

– Доктор сказал вам правду: он был главным анестезиологом детской хирургии больницы «Шарите»[3 - Знаменитая больница «Die Charite» в Берлине.]. Гигантское заведение, вроде той клиники, где лежит ваш сын. Кроме того, руководил кафедрой нейробиологии в Свободном университете Берлина. Фон Кейн проводил коллоквиумы по проблемам нейростимуляции и ее связи с акупунктурой. Сами видите – звезда первой величины.

Диана вспомнила, как седовласый великан стоял в полумраке палаты перед кроватью ее сына и вкручивал иголки в его тело.

– Где он научился технике иглоукалывания?

– Точно не знаю. Но в восьмидесятых доктор провел около десяти лет во Вьетнаме.

Лейтенант на ходу достал из кармана картонную папку и время от времени сверялся с записями:

– Фон Кейн был восточным немцем. Жил в Лейпциге. Потому-то его и пустили во Вьетнам – тогда это была совсем закрытая страна.

– Хотите сказать, он был коммунистом?

– Именно так. В то время восточному немцу было гораздо легче поселиться в Хошимине, чем отправиться за покупками в Западный Берлин.

Патрик Ланглуа перелистал еще несколько страничек:

– Единственная «сумеречная» для нас зона в его карьере – период между шестьдесят девятым и семьдесят вторым. Никто не знает, где он был в те годы. После разрушения Стены фон Кейн вернулся в Германию и поселился в Западном Берлине. Он очень быстро освоился, проявил себя, и интеллектуалы бывшей ФРГ приняли его в свой круг.

– У вас есть хоть какая-нибудь версия убийства? – Диана решила вернуть сыщика к реальности.

– Никаких мотивов. Все восхищались этим человеком. Несмотря на одну его странность.

– О чем вы?

– Он был невероятным бабником. Каждой весной соблазнял медсестер более чем экзотическим способом.

– Как именно?

– Фон Кейн пел. Оперные арии. И его пение сводило с ума весь женский персонал больницы. Настоящий Казанова. Но я не верю, что ревность может

быть мотивом…

– Тогда что же?

– Сведение счетов. Месть за погибших в ГДР близких, что-то в этом роде… Но фон Кейн вышел из игры – жил во Вьетнаме и не был уличен в контактах с коммунистическими властями. Хотя я продолжаю копать в этом направлении.

Они перешли в сады обсерватории. Дома подступали вплотную к высокой решетке тенистого прохладного парка.

– Честно говоря, – выдержав секундную паузу, произнес инспектор, – один вопрос волнует меня не меньше самого убийства: почему этот человек проник в больницу ради вашего сына?

Диана вздрогнула:

– Вы усматриваете связь между убийством и Люсьеном?

– Не выдумывайте… Но его вмешательство – часть головоломки, оно способно помочь нам лучше понять этого человека.

– Не вижу, каким образом.

– Давайте рассуждать вслух. Знаменитый врач, крупная величина в своей стране, внезапно оставляет работу, несется в аэропорт и самым ранним рейсом вылетает в Париж – нам удалось восстановить его маршрут. Из Руасси он едет прямо в Неккер, сооружает фальшивый бейджик, крадет ключи и ложным вызовом отправляет всех медсестер в отделение доктора Дагера, чтобы никто не помешал ему проникнуть в реанимацию…

Диана вспомнила, как тихо было в коридоре: значит, это фон Кейн позаботился… Лейтенант продолжил:

– Зачем он все это проделал? А затем, чтобы срочно применить к Люсьену свою таинственную методику. Это была спасательная операция, Диана. И спасти фон Кейн хотел именно вашего сына.

Диана слушала, не перебивая. Вопросы Ланглуа подкрепляли ее собственные сомнения. Почему немец заинтересовался Люсьеном? Кто его предупредил о критическом состоянии мальчика? Был ли у него сообщник в больнице? Лейтенант задал следующий вопрос, и Диане показалось, что он прочел ее мысли:

– Мог с ним связаться кто-то из ваших близких?

Она покачала головой, заслужив одобрительный взгляд сыщика, и поняла, что он успел это проверить. Ланглуа толкнул калитку следующего сада и пропустил Диану вперед.

– Мы опрашиваем персонал больницы. Врачей, сестер. Возможно, кто-то его знал. Лично или просто встречал имя. Немецкая полиция проверяет все его звонки и электронную почту. Точно известно одно: фон Кейна предупредили, как только случился последний кризис, когда французские врачи опустили руки.

Они шли по тихой тенистой аллее. Камешки гравия поскрипывали в такт их шагам. Диана спросила:

– А насчет способа убийства есть что-нибудь новое?

– Нет. Вскрытие – мы сделали его у себя – подтвердило данные виртуального «погружения». Жестокость, с которой было совершено убийство, потрясает. Это напоминает некий… жертвенный акт. Мы проверили по картотеке: прецедентов во Франции не было. Судмедэксперт установил всего один новый факт: фон Кейн страдал любопытной болезнью.

– Какой именно?

– У него была атрофия желудка, что заставляло его пережевывать пищу до консистенции жвачки. Вот откуда следы на стенах в холодильной камере. Когда на фон Кейна напали, он изрыгнул из пищевода все красные ягоды.

Диане казалось, что слова Ланглуа проникают ей под кожу, прорастая вглубь крошечными кристалликами страха. Скрытая реальность просачивалась внутрь ее существа, превращаясь в подлинный кошмар.

Они подошли к фонтану обсерватории: восьмерка лошадей вставала на дыбы под бурным водопадом струй. В этом уголке парка, где ветер раскачивал кроны деревьев, а в воздухе блестели серебристые капельки влаги, Диана всегда чувствовала грусть и пустоту. Сегодня это ощущение было особенно сильным.

Ланглуа подошел ближе, чтобы не перекрикивать шум фонтана.

– Последний вопрос, Диана: ваш приемный сын мог родиться во вьетнамской семье?

Она медленно повернулась и взглянула на него сквозь пелену слез, не чувствуя ни разочарования, ни потрясения. Она поняла, зачем сыщику понадобилась эта утренняя прогулка, но ответила не сразу. Ланглуа разозлился: то ли на нее – за молчание, то ли на себя – за вопрос. Он сказал, повысив голос:

– Фон Кейн провел во Вьетнаме десять лет! Я не могу не учитывать это обстоятельство! Допускаю, что он знал семью Люсьена.

Диана не реагировала. Он повторил приказным тоном:

– Отвечайте, Диана! Люсьен может быть вьетнамцем?

Она окинула взглядом лошадей в фонтане. На лице и стеклах очков оседала влага.

– Не знаю. Все может быть.

Голос полицейского смягчился:

– Сумеете навести справки? Свяжетесь с приютом?

Диана подняла глаза. По небу над бульваром Пор-Руаяль плыли грозовые тучи. Она с ностальгическим сожалением вспомнила ртутный блеск муссонных облаков над Ранонгом.

– Я позвоню, – пообещала она. – Буду искать. И помогу вам.

16

На обратном пути Диана перебирала в голове самые фантастические предположения. На бульваре Пор-Руаяль она убедила себя во вьетнамском происхождении Люсьена. На улице Барбюса пришла к выводу, что Рольф фон Кейн знал его семью. Каким-то загадочным образом малыш был разлучен с родителями, после чего кто-то – совсем уж непостижимо – предупредил немецкого врача о том, что он во Франции. На улице Сен-Жак Диана вообразила, что родитель Люсьена, большая шишка, хоть и отказался от сына, но продолжает следить за его судьбой, вот и связался в срочном порядке с рефлексотерапевтом… За этими бредовыми рассуждениями Диана не заметила, как доехала до дома.

Войдя в квартиру, она успокоилась. Привычные звуки и запахи, населявшие ее маленькую трехкомнатную квартирку, ослабили напряжение. Диана переводила взгляд со светлых стен на паркет красного дерева и длинные белоснежные шторы (в дождливые дни ей иногда казалось, что они насквозь пропитались солнцем), долго вдыхала аромат воска и запах жавелевой воды, витавшие в воздухе после генеральной уборки. Наутро после «чудотворной» ночи Диана вычистила углы и закоулки, чтобы уничтожить все, что могло напомнить о тоске и одиночестве двух страшных последних недель. Запах чистоты внес умиротворение в душу и укрепил ее решимость.

Диана взглянула на часы и высчитала разницу во времени с Таиландом. В Париже полдень, значит, в Ранонге пять вечера. Она взяла папку «Усыновление», пошла в спальню, села на пол и прислонилась спиной к кровати. Чтобы справиться с волнением, Диана применила классический прием расслабления техники Вин-Чун, сфокусировав дыхание под пупком в районе диафрагмы. Она поняла, что готова, когда воздух, напитав ее кровь, вернулся в исходную точку, а в душе великой пустотой поселилось спокойствие.

Диана сняла трубку и набрала номер приюта, патронируемого Фондом Борья-Мунди. После нескольких прерывающихся гудков ей ответил гнусавый голос. Она сказала, что хочет поговорить с Терезой Максвелл. Две минуты ожидания показались Диане вечностью, и слова «Я слушаю» ударили по барабанным перепонкам, как дверь по пальцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Расслабься! Не делай этого!» (англ.)

2

Выпадение внутренностей.

3

Знаменитая больница «Die Charite» в Берлине.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhan-kristof-granzhe/bratstvo-kamnya-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить